

32 И
Ж-86

ВЛ. ЖУКОВ

**куда
ведет
политика
мао**

ВЛ. ЖУКОВ

КУДА
ВЕДЕТ
ПОЛИТИКА
МАО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
Москва • 1967

В брошюре содержится ответ на вопрос, волнующий советских людей, всю прогрессивную мировую общественность: кто извлекает выгоду из раскольнического курса Мао Цзэ-дуна и его группы? На обширном фактическом материале, большей частью впервые публикуемом, автор показывает эволюцию политики США в отношении КНР, причины этой эволюции. Читатель ознакомится не только с обзором американо-китайских отношений, сложившихся в 60-е годы, но и с тем, как современный, прежде всего американский, империализм использует политику группы Мао Цзэ-дуна в своей агрессии против вьетнамского народа, в целях нагнетания международной напряженности.

Брошюра рассчитана на широкие круги читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Неумолимая логика	3
Подозрительное переплетение	7
Поворот	13
На мельницу империалистической пропаганды	18
В лабиринтах Гонконга и Макао	25
Когда деньги приобретают запах...	27
Подлинная цена воинственной риторики	34
За завесой секретности	39
Техника сговора	45
Итог еще не подведен	54

Владимир Георгиевич Жуков

КУДА ВЕДЕТ ПОЛИТИКА МАО

Редактор *Н. Л. Пахомов*. Оформление художника *И. А. Дугова*. Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*. Технический редактор *И. Г. Крейс*.
Корректоры *А. В. Федина, И. П. Красовитова*

А-11934 Сдано в набор 13/IX 1967 г. Подписано в печать 18/IX 1967 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Усл. печ. л. 2,94. Уч.-изд. л. 2,5.
Тираж 80 000 экз.

Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, Мещанская, 7
Зак. № 255

Типография издательства «Международные отношения»
Москва, Г-21, Метростроевская, 53
Цена 9 коп.

Неумолимая логика

На протяжении последних лет советский народ, вся прогрессивная мировая общественность с возрастающей тревогой следят за развитием событий в Китае, за политикой, которую проводит внутри страны и на международной арене группировка Мао Цзэ-дуна. Уже давно прошло то время, когда могло казаться, что эта политика является выражением идеологических разногласий в рамках коммунистического движения. Усиливая свои нападки на Коммунистическую партию Советского Союза, на другие братские партии, нынешние китайские руководители перешли к открытой политической борьбе против Советского Союза, других социалистических стран, мирового коммунистического и рабочего движения.

После состоявшегося в августе 1966 года XI пленума ЦК КПК, который подтвердил курс на так называемую «культурную революцию», политика современных китайских руководителей вступила в новую, еще более опасную фазу. Одной из характерных особенностей этой новой фазы стало неслыханное раздувание антисоветской истерии.

Хорошо известно, кто несет ответственность за обострение советско-китайских отношений. На всех этапах китайской революции братская помощь и поддержка со стороны Советского Союза были важным источником побед трудящихся Китая. Дружба и сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами помогли китайскому народу приступить к строительству социализма и добиться в этом немалых успехов.

В конце 50-х годов руководство КПК выдвинуло особый курс внешней и внутренней политики, не имеющий ничего общего с марксизмом-ленинизмом, глубоко про-

тиворечащий принципам пролетарского интернационализма и основным закономерностям строительства социалистического общества.

Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство вели последовательную борьбу за нормализацию отношений с Китаем, за возврат на путь дружбы и сотрудничества. Они делали все для налаживания единства действий СССР и КНР, КПСС и КПК в борьбе против империализма, и особенно против империализма США, не прекращающего преступную агрессию во Вьетнаме, усиливающего свою агрессивную политику в различных районах земного шара.

«Советские люди,— говорится в Тезисах Центрального Комитета КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»,— всегда рассматривали великий китайский народ как друга и союзника в борьбе за революционное преобразование общества. Разрыв КПК с нынешней пагубной политикой, укрепление отношений КНР с Советским Союзом и другими странами социализма отвечали бы интересам мирового социализма и прежде всего самого Китая».

Однако последовательная позиция КПСС и Советского правительства не нашла в Пекине положительного отклика. Больше того, политика группировки Мао Цзэдуна в отношении Советского Союза становится все более враждебной. За полувековую историю нашего государства советскому народу не раз приходилось выдерживать ожесточенные атаки враждебных сил. Но, если исключить периоды войн и интервенций, никогда еще против первого в мире социалистического государства не велась столь яростная кампания, как та, которую ведут пекинские руководители. Антисоветизм стал одним из главных направлений «культурной революции», ее второй после культа Мао официальной доктриной.

С трудом укладывается в сознании тот поразительный факт, что на сей раз организаторами и вдохновителями антисоветской кампании выступают не империалисты, а политики, называющие себя коммунистами. В чем причины этого чудовищного пекинского парадокса?

У политики есть своя неумолимая логика. Взяв великодержавный курс, противопоставив себя всему мировому коммунистическому движению, группа Мао рано или

поздно должна была скатиться и действительно скатилась на позиции борьбы против социалистического лагеря, братских коммунистических партий, против КПСС и Советского Союза, последовательно отстаивающих чистоту марксизма-ленинизма, великие принципы пролетарского интернационализма. Внутриполитический курс, проводимый Мао и его единомышленниками,— это фронтальное наступление на социалистические завоевания китайского народа, наступление, в ходе которого беззастенчиво извращаются и растаптываются сами идеалы социализма. В качестве маскировки истинного смысла своей политики пекинские руководители прибегли к клевете на страны, где действительно строится социализм, на партии, которые следуют учению марксизма-ленинизма.

Как известно, первые выстрелы в политической войне против СССР и социалистического лагеря нынешние китайские руководители сделали вскоре после провала печально знаменитого «большого скачка». Начиная антисоветскую кампанию, группировка Мао Цзэ-дуна стремилась отвлечь внимание китайского народа от лишений и трудностей, возникших в результате экономических авантур, от многочисленных провалов во внутренней и внешней политике.

Успехи социалистического и коммунистического строительства в Советском Союзе и других братских странах сами по себе разоблачают подлинное политическое лицо маоцзэдуновской группировки, банкротство ее политической линии.

Группа Мао Цзэ-дуна открыто взяла курс на систематический срыв действий, которые предпринимались Советским Союзом совместно с государствами социалистической системы для защиты интересов социализма, революционного движения, всеобщего мира. Тем самым она оказывает неоценимые услуги империализму, ослабляет фронт антиимпериалистических сил.

Авантюристический курс группы Мао Цзэ-дуна привел к резкому ослаблению позиций Коммунистической партии Китая, его рабочего класса, к разгулу националистической стихии. Создалась серьезная угроза социалистическим завоеваниям китайского народа, самоизоляция Китая от социалистического содружества, от сил мира и прогресса на всем земном шаре.

Разрывая исторические связи Китая с Советским Союзом и другими социалистическими странами, становясь глашатаями антисоветизма, пекинские руководители обрекают китайских трудящихся на серьезные дополнительные трудности, изолируют страну от ее естественных друзей и союзников.

Ненависть к Советскому Союзу всегда была той общей почвой, на которой сходились враги социализма. И не случайно с некоторых пор в кругах империалистической реакции сильно повысился интерес к Китаю. Экономические и политические контакты между Пекином и империалистическими державами, включая главную из них — США, становятся все более частыми и систематическими.

Бесспорно, что, подменив борьбу против империализма борьбой против Советского Союза, против всего социалистического содружества, против международного коммунистического и освободительного движения, группа Мао Цзэ-дуна наносит ущерб делу мирового социализма. Прежде всего она причиняет вред самому китайскому народу. Упорствуя в своей антисоветской, раскольнической политике, эта группировка обнажила глубину своего падения, а в дальнейшем, продолжая этот курс, она будет все больше разоблачать себя, показывать, как далеко зашло ее перерождение. Международная изоляция Мао Цзэ-дуна и его группировки усиливается с каждым днем. Курс Пекина вызывает в мировом коммунистическом движении, у честных людей во всех странах все большее возмущение.

У китайского народа, у его государства — Китайской Народной Республики, у Коммунистической партии Китая объективно существует и совсем другая перспектива, чем та, которую сулит им политика маоцзэдуновской группировки. Это — перспектива улучшения отношений с КПСС и Советским Союзом, со всеми социалистическими странами и коммунистическими партиями, перспектива совместной борьбы в рядах социалистического содружества против империализма. Это — марксистско-ленинская перспектива, отвечающая коренным интересам китайского народа, компартии Китая.

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ, все прогрессивные люди на земле уверены в том, что победу одержит именно эта перспекти-

ва, что и во внутренней, и во внешней политике КНР пойдет рано или поздно по верному, испытанному марксистско-ленинскому пути.

Подозрительное переплетение

Сошедший с ротационных машин 23 января 1967 г. американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» сразу привлек к себе внимание мировой печати. В пространном интервью, которое дал этому журналу редактор французского еженедельника «Пари-матч» Рене Даберна, содержалась действительно сенсационная информация. Еще в мае 1966 года, заявил Даберна, Пекин и Вашингтон заключили сделку: в обмен на обещание американцев не нападать на КНР Пекин обязался избегать прямого вмешательства в войну во Вьетнаме и не предоставлять свою территорию третьим странам, оказывающим помощь Демократической Республике Вьетнам. Сохранение сделки в тайне подразумевалось само собой. Инициатива сделки, добавлял Даберна, исходила от пекинских руководителей. Со своей стороны, президент Джонсон, государственный секретарь Раск и другие государственные деятели Соединенных Штатов Америки «просигнализировали Пекину в ряде публичных выступлений о своей согласии на эти условия».

На следующий день независимо от Даберна с аналогичными разоблачениями выступила французская газета «Франс суар». Ее корреспондент Эжен Манони уточнял, что упомянутая негласная сделка была заключена в ходе конфиденциальных американо-китайских переговоров на уровне послов в Варшаве.

Низкие серые тучи, обложившие небо, размеренно роняли снежинки на брусчатку Красной площади. Как всегда, днем 25 января 1967 г. к Мавзолею В. И. Ленина спокойно двигалась бесконечная цепочка людей. Часы на Спасской башне пробили двенадцать. Над площадью снова воцарилась торжественная тишина, особенно заметная в мягкие зимние дни.

Вдруг тишину спугнули крики со стороны Мавзолея. Тысячи людей, стоявших в очереди к усыпальнице великого вождя революции и просто оказавшихся в этот час на Красной площади, не сразу поняли, что происходит. А происходило нечто столь же невероятное, сколь и кошмарное. Несколько десятков китайских граждан — главным образом студенты, находившиеся проездом домой в Москве, — перепрыгнули через невысокую ограду, окружающую Мавзолей, и, перерезав дорогу сотням людей, стоявших позади, начали хором выкрикивать изречения Мао. Затем, осенив себя цитатниками Мао, юнцы бросились на советских людей, провоцируя драку. Один из них ударил по лицу женщину. Она упала на мостовую.

Советские люди проявили свойственную им выдержку. Они не поддались на провокационные выходки. Взявшись за руки и образовав живую цепь, они спокойно оттеснили хулиганов от Мавзолея к собору Василия Блаженного.

С противоположной стороны площади, от здания ГУМа, на происходившее взирала группа китайских журналистов и дипломатов. Поняв, однако, что спровоцировать драку не удастся, «наблюдатели» поспешили ретироваться.

Несколькими часами позже отсутствие синяков и шишек на лицах хунвэйбинов, принимавших участие в неудавшейся провокации, было восполнено при помощи грима. Пошли в ход пудра, тушь и губная помада. Лица участников провокации были разукрашены так, словно они побывали в жестокой драке. Маскарад довершили бинты, йод, пластырь. Вечером «жертвы» предстали перед журналистами капиталистических стран, предупредительно приглашенными посольством КНР на Ярославский вокзал Москвы к отходу поезда.

В тот самый час, когда москвичи, расходясь с Красной площади, с возмущением обсуждали дикую выходку, к Мыслевицкому дворцу в Варшаве почти одновременно подкатили два черных автомобиля. На радиаторе одного развевался флажок Соединенных Штатов Америки, другого — Китайской Народной Республики.

Автомобили ожидала небольшая группа корреспондентов. Не обращая внимания на их вопросы, из автомобилей вышли сопровождаемые сотрудниками посол

США Джон Гронуски и посол КНР Ван Го-цюань. Обмен приветствиями — и двери Мыслевицкого дворца закрылись за ними.

132-я американско-китайская встреча на уровне послов началась. Она длилась около часа. После ее окончания, как обычно, никакого официального коммюнике опубликовано не было.

Спустя сутки здание советского посольства в Пекине было блокировано тысячами хунвэйбинов, в организованном порядке, под командой специально назначенных людей, прибывших из различных районов города. Они окружили территорию посольства, отрезав его от внешнего мира. Из репродукторов захрипели голоса организаторов, призывавших к физической расправе над советскими людьми, якобы «пролившими китайскую кровь» на Красной площади. Мимо посольства непрерывным потоком маршировали толпы «красных охранников» и смутьянов, то выкрикивая непристойную брань в адрес Советского Союза и КПСС, то хором декламируя изречения Мао. У посольских ворот запылали костры, на которых сжигались чучела, изображавшие советских людей.

Китайская печать, а также и официальные власти как бы соревновались с хунвэйбинами. Со страниц центральных газет, не говоря уже о многочисленных «дацзыбао», не сходили призывы потребовать от советских людей уплаты мнимого «кровавого долга». Пресса постоянно обогащала новыми фантастическими подробностями сочиненную в Пекине версию инцидента на Красной площади. Появились даже сообщения, будто в Москве «было убито и ранено несколько китайских студентов». Министерство иностранных дел КНР цинично заявило советскому посольству, что безопасность советских людей в Пекине не может быть гарантирована вне территории посольства. Больше того, когда в отрезанное от всех источников снабжения посольство СССР из посольств братских социалистических стран прорвалось несколько автомашин с продовольствием, китайские власти заявили резкий протест.

Происходившее живо напоминало сцены, предшествующие суду Линча где-нибудь в штате Алабама.

29 января обозреватель «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер, комментируя дикую вспышку антисоветской истерии в Пекине, с удовлетворением отмечал в качестве «одной из важнейших перспектив» возможность «прекращения движения по железным дорогам, связывающим Северный Вьетнам, Китай и Восточную Европу». «Очевидно одно,— заключал он,— общая обстановка, в которой развивается вьетнамский конфликт, сейчас изменилась самым коренным образом. В смысле большой стратегии мы уже одержали огромную победу».

Самолеты, на которых направлялись в ДРВ советские специалисты для оказания помощи вьетнамскому народу, приземлились 31 января на пекинском аэродроме точно по расписанию. Но вовремя вылететь в Ханой они не смогли. Самолеты окружила толпа хунвэйбинов. Снова провокаторы выкрикивали цитаты из произведений Мао Цзэ-дуна, оскорбляли советский народ.

Советские специалисты не смогли даже выйти из самолетов. В нарушение правил безопасности пришлось заправлять горючим лайнеры с пассажирами на борту. Под разными предлогами китайские власти затягивали вылет самолетов. Двигатели уже были включены, а китайские чиновники все еще требовали «дооформления» документов. В довершение китайские власти позволили толпе провокаторов находиться вблизи самолетов, двигавшихся к взлетной полосе. Только искусство советских летчиков предотвратило катастрофу. Становилось очевидным, что Пекин пытается воздвигнуть препятствия в оказании помощи Советского Союза ДРВ.

Редакционная статья, опубликованная 5 февраля в американской газете «Уорлд джорнэл трибюн», прямо призвала Пекин «не останавливаться на полпути». «Если Китай остановится на самой грани конфликта и пойдет на уступки Москве,— подстрекала газета,— то результатом будет падение престижа китайцев в глазах остальной Азии».

Снова пекинский аэропорт. И снова толпа хулиганов. В центре беснующегося моря — несколько автобусов с советскими людьми. Это главным образом дети и женщины.

Так 5 февраля начиналась эвакуация семей сотрудников советских учреждений. Они были вынуждены покинуть Пекин из-за невыносимой обстановки, созданной действиями китайских властей.

Вот польские корреспонденты провели мимо советских автобусов обессилевшую от оскорблений цзаофаней гражданку Народной Республики Болгарии. Репортеры из толпы делают снимок со вспышкой. Хулиганы как будто только этого и ждут. Они бросаются к советскому автобусу с криками: «Отдайте фотоаппарат! Засветите пленку!». Толпа взламывает двери автобусов, врывается внутрь и в течение 50 минут бесчинствует. Ничего не обнаружив (ни у кого из советских людей фотоаппаратов не было), толпа силой вытаскивает из машины двух немецких товарищей и сотрудника советского посольства. Посадка женщин и детей на самолет сопровождалась хулиганскими выходками. Хунвэйбины совали кулаки и цитатники с изречениями Мао в лица женщин и детей.

Хулиганы задержали первого секретаря советского посольства. Один из сотрудников советского торгпредства вместе с товарищами из ГДР взял под защиту немецкую корреспондентку, чем-то не угодившую хунвэйбинам. Хулиганы нанесли ему удар в челюсть, таскали его за волосы, разорвали на нем рубашку. Советский военный атташе дважды был повален на каменную лестницу перед входом в аэровокзал. Особенно сильным избиением он подвергся возле трапа самолета при посадке советских женщин и детей. Избили также второго секретаря советского посольства, еще одного сотрудника посольства, двух работников торгпредства. Били по ногам, по спине. Били в присутствии официальных китайских лиц, бесстрастно взиравших на эти дикости.

Не добившись цели — сорвать отъезд советских людей из Пекина, — хулиганы выместили злобу на советских дипломатах. При их возвращении с аэродрома разбушевавшаяся толпа блокировала автобусы и задержала их почти на сутки.

Трудно сказать, был ли услышан в Пекине поджигательский призыв «Уорлд джорнэл трибюн». Но истерические вопли хунвэйбинов возле советского посольства и на пекинском аэродроме были услышаны в Вашингтоне.

Нью-Йоркскую фондовую биржу лихорадило. Банкиры и промышленники, нажившие барыши на гонке вооружений и вьетнамской войне, нервозно ожидали пресс-конференцию государственного секретаря Раска: накануне распространились слухи о том, что руководитель внешнеполитического ведомства США может объявить о мерах, направленных на мирное урегулирование вьетнамского конфликта в связи с очередной конструктивной инициативой министра иностранных дел ДРВ Нгуен Зуи Чиня и перемирием во Вьетнаме, объявленным по случаю лунного Нового года. Как известно, в конце января 1967 года Нгуен Зуи Чинь в беседе с австралийским журналистом У. Бэрчетом выдвинул предложение: США должны безоговорочно прекратить бомбардировки, и тогда можно будет сесть за стол переговоров.

Но волнения банкиров оказались напрасными: пресс-конференция Раска, состоявшаяся 9 февраля, еще раз подтвердила нежелание правительства США разрешить вьетнамский конфликт мирным путем. Раск заявил, что США не намерены отказываться от пиратских налетов на ДРВ. «Вашингтон,— заключила парижская газета «Монд»,— уже неоднократно игнорировал возможности контактов (с Демократической Республикой Вьетнам.— *Вл. Ж.*), и за этими отказами следовало усиление войны... Американцы, очевидно, делают ставку на разрыв Китая с СССР и на трудности, с которыми Советский Союз все чаще сталкивается при оказании помощи Вьетнаму».

12 февраля, после окончания четырехдневного перемирия по случаю лунного Нового года; Соединенные Штаты возобновили военные действия во Вьетнаме. Двумя днями позднее начали затухать антисоветские бесчинства возле посольства СССР в Пекине. В них, как видно, пока что отпала нужда. В Вашингтоне уже сделали выводы. Авантюра США на Индокитайском полуострове вступила в новый, еще более опасный этап.

Синхронность начала антисоветских провокаций с очередной встречей американского и китайского представителей в Варшаве, попытки затруднить проезд советских специалистов и отправку грузов в ДРВ и последовавший за этим решительный отказ Вашингтона урегулировать конфликт в Юго-Восточной Азии — все это подозрительное переплетение событий, разыгравшихся

в начале 1967 года, вряд ли могло быть делом случая. Уж слишком точно укладывались действия Пекина и Вашингтона в рамки упомянутой выше сделки о «правилах поведения» во вьетнамской войне.

Тот факт, что пекинские руководители фактически подменили борьбу против империализма борьбой против Советского Союза и других социалистических стран, был воспринят врагами коммунизма как новая возможность усилить агрессивный курс, попытаться осуществить свои далеко идущие замыслы.

Поворот

С начала 60-х годов отношение правящего класса Соединенных Штатов к Китайской Народной Республике начало претерпевать странные на первый взгляд перемены. Печать, которая раньше и слышать не хотела о каких бы то ни было контактах с Пекином и горой стояла за Чан Кай-ши, начала постепенно снижать тон и менять вехи. Такие же метаморфозы происходили в среде влиятельных бизнесменов, сенаторов, государственных деятелей. Вначале этот процесс развивался исподволь, но примерно со второй половины 1964 года он дал о себе знать самым недвусмысленным образом.

В этом отношении характерна пространная статья бывшего американского дипломата, а ныне профессора Принстонского университета Джорджа Кеннана, появившаяся 22 ноября 1964 г. на страницах журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин». Анализируя политику Вашингтона в отношении Китайской Народной Республики, Кеннан приходил к выводу, что «жесткий курс», правильный в прошлом, изжил себя, что ныне возникла повелительная необходимость разработать «новый подход» к американо-китайским отношениям.

Едва ли случайно, что для подобного «принципиального» выступления был избран именно Джордж Кеннан. Его имя не нуждается в рекомендациях. В послевоенные годы он не раз занимался «теоретическим» обоснованием антикоммунистического курса Вашингтона. Напомним, что его нашумевшая статья, опубликованная в журнале «Форин афферс» за подписью «г-н Х», предвосхитила основные контуры так называемой политики

«сдерживания коммунизма», которую в последующие годы Вашингтон пытался проводить на международной арене.

И на этот раз Кеннан говорил не только от собственного имени, а выступал представителем весьма влиятельных американских кругов. Прошло всего полгода после публикации его статьи — и это стало совершенно очевидным. 28 апреля 1965 г., то есть вскоре после начала пиратских налетов американской авиации на территорию Демократической Республики Вьетнам, около тысячи бизнесменов, собравшихся на съезд крупнейшей организации американских монополистов — Торговой палаты Соединенных Штатов, единодушно проголосовали за резолюцию, призывавшую правительство «изучить шаги, которые привели бы к более эффективному открытию каналов связи» между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой. Президент Торговой палаты Роберт П. Герхольц (кстати сказать, один из наиболее правоверных голдуотеровцев) пояснил на пресс-конференции, что в нынешней обстановке для Соединенных Штатов бессмысленно отказываться от контактов с КНР и что «одной из магических формул» установления подобных контактов может стать торговля.

Еще через несколько недель был предан гласности специальный доклад подкомиссии по делам Дальнего Востока и Тихого океана при комиссии по иностранным делам палаты представителей. Подкомиссия рекомендовала правительству «подумать о том, чтобы в подходящее время выступить с инициативой в деле восстановления прямых контактов с красным Китаем в области культурного обмена с упором на обмен учеными и журналистами».

Вслед за этим в конгрессе, на страницах печати монополий, во влиятельных политических кругах Соединенных Штатов началась своего рода цепная реакция. Эскалации вьетнамской авантюры США сопутствовала эскалация требований влиятельных кругов правящего класса в пользу разработки нового курса политики в отношении КНР.

За непродолжительное время в пользу нового курса высказались бывший кандидат в президенты от республиканской партии и один из ее лидеров — Элф Лэндон, влиятельная группировка этой же партии, объединяю-

щаяся вокруг «общества Рипон», сенаторы Мэнсфилд, Макговерн, Фулбрайт, Янг, Брюстер, Морзе, Юджин Маккарти, Роберт Кеннеди, 198 профессоров различных университетов, специализирующихся в области дальневосточной политики, генеральный комитет национального совета церквей, газеты «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк пост», «Вашингтон пост», «Лос-Анжелес таймс», «Балтимор сан», журнал «Сатердей ревью» и т. д. Уже этот перечень дает повод задать вопрос: а не сложилась ли в США в противовес «тайваньскому лобби»¹ (или, может быть, вместо него) другая «группа давления» — нечто вроде «лобби красного Китая»?

В марте 1966 года обсуждение вопроса об изменениях китайской политики Вашингтона началось в сенатской комиссии по иностранным делам, возглавляемой Фулбрайтом. С этого момента дискуссия вступила в новый этап. Теперь уже речь шла не об «открытии каналов связи», а о куда более серьезном пересмотре политики.

Из 11 человек, выступавших перед сенаторами, только 3 поддержали старый курс. Остальные критиковали его. Показательны выступления крупных американских ученых, специализирующихся по Дальнему Востоку. Профессор Док Барнетт из Колумбийского университета высказался за «допуск» Китайской Народной Республики в ООН, за развитие с ней торговли и широкого культурного и научного обмена и, наконец, за установление нормальных дипломатических отношений. Профессор Джон Фэйрбэнк из Гарвардского университета призывал раз и навсегда положить конец «политике изоляции» КНР. Профессор Ганс Моргентау из Чикагского университета подчеркнул, что «политика военного сдерживания (Китайской Народной Республики.— *Вл. Ж.*) должна быть постепенно ликвидирована. Эта политика не только не отвечает интересам Соединенных Штатов, но и противоречит им». В политических кругах и в печати США все более прозрачно намекали на желатель-

¹ Lobby — по-английски коридор, кулуары парламента. Под «лоббистами» подразумеваются те, кто обрабатывает членов конгресса, действуя главным образом за кулисами политической сцены, открытой взорам общественности. «Тайваньское лобби» в прошлом было одной из наиболее влиятельных «групп давления» на политику Вашингтона.

ность успеха начатой Мао Цзэ-дуном «культурной революции».

3 мая 1966 г. в конгрессе со специальной речью на тему о политике по отношению к КНР выступил сенатор Эдвард Кеннеди. Он заявил, что «для американского правительства пришло время провести полную переоценку политики в отношении Китая». Для изучения конкретных мер Э. Кеннеди рекомендовал создать комиссию в составе выдающихся государственных и политических деятелей Соединенных Штатов.

Еще более примечателен тот факт, что в числе выступавших за «гибкий подход» к КНР оказались многие бывшие столпы «тайваньского лобби». Так, Губерт Хэмфри (теперь он занимает пост вице-президента США) предложил проводить в отношении КНР политику «сдерживания без изоляции». Сенатор Мэнсфилд, который когда-то уверял, будто непризнание КНР поддерживает большинство американского народа, высказался за встречу между государственным секретарем США и министром иностранных дел КНР. С «тайваньским лобби» демонстративно порвал сенатор Джавитс, заявивший, что его политика сковывает свободу действий Вашингтона.

Журнал «Ньюсуик», некогда рьяно нападавший на всех, кто требовал нормализации американо-китайских отношений, принялся теперь с таким же рвением критиковать точку зрения «тайваньского лобби». «Это даже не политика,— иронизировал журнал по поводу «жесткого курса»,— а продукт смятенного состояния умов, в которых мелькают позабытые детские воспоминания о проповедях в воскресных школах, сцены миссионерской деятельности в Китае, старые кинофильмы и пожелтевшие газетные вырезки...».

Аналогичная метаморфоза произошла с газетой «Нью-Йорк таймс». В свое время этот влиятельный орган печати был одним из рупоров «тайваньского лобби». Именно в «Нью-Йорк таймс» было опубликовано заявление о создании «Фонда свободного Китая для помощи беженцам».

Нынче — иначе. В начале февраля 1966 года «Нью-Йорк таймс» опубликовала редакционную статью в поддержку требований о пересмотре «жесткой политики» США в отношении КНР. Группа конгрессменов, сохра-

няющих верность старой политике, направила в редакцию резкое письмо, протестующее против идей, высказанных в этой передовой. Прошел день, второй, третий. Минула неделя, другая, а письмо конгрессменов так и не появилось на страницах газеты, хотя обычно «Нью-Йорк таймс» публикует письма людей подобного рода. Как возмущенно утверждал позднее в конгрессе член палаты представителей Эшбрук, принимавший участие в составлении протеста, это был не единственный случай «безответственной дискриминации» сторонников «жесткого курса» в «Нью-Йорк таймс». Выяснилось, что несколько ранее газета категорически отказалась печатать заявление, подписанное 330 американскими деятелями, которое перевозило «жесткий курс».

Да, в вашингтонских коридорах власти задули сквозняки, весьма опасные для «тайваньского лобби».

В дни, когда вопросы китайской политики обсуждались в сенатской комиссии по иностранным делам, правительство сняло ограничения на поездки американских ученых в КНР и заявило о готовности пригласить в Соединенные Штаты китайских ученых. 8 мая 1966 г. обозреватели газеты «Вашингтон пост» Эванс и Новак сообщили, что президент Джонсон распорядился провести в секретном порядке «изучение» китайской политики с целью «пересмотреть сверху донизу все элементы официальной позиции Вашингтона в отношении Китая, включая проблему допуска Пекина в ООН».

«Старое китайское лобби,— подводила итог событиям газета «Вашингтон пост»,— по-видимому, действительно выпускает дух, и Соединенные Штаты могут теперь позволить себе любой шаг в отношении КНР, который они сочтут отвечающим своим национальным интересам». А упоминавшийся выше член палаты представителей Эшбрук прямо заявил, что в Вашингтоне сложилось и активно действует «лобби красного Китая», в состав которого входят виднейшие сенаторы, чиновники государственного департамента, ученые, профсоюзные деятели, священники.

Как бы в подтверждение этих слов 10 июня 1966 г. в Вашингтоне было объявлено о создании так называемого «Национального комитета американско-китайских отношений» со специальной целью — добиваться пересмотра политики Вашингтона в отношении КНР. В сос-

тав комитета вошли бывший помощник государственного секретаря при президенте Эйзенхауэре Роджер Хилсмен, бывший председатель Ассоциации международной торговли Джон Гомпертс, председатель совета директоров компании «Юта констракшн энд майнинг компани» Марринер Экклз, исполняющий обязанности директора института Восточной Азии при Колумбийском университете Док Барнетт, директор центра по изучению Восточной Азии при Гарвардском университете Джон Фэйрбэнк, руководитель отделения политических наук Калифорнийского университета Роберт Скалпино и др.

Обращает на себя внимание, что три ведущих деятеля «Национального комитета американо-китайских отношений» вошли в состав группы советников по китайской политике при государственном департаменте: это профессора Барнетт, Фэйрбэнк и Скалпино. Как заявил 8 декабря 1966 г. представитель государственного департамента Маккლოსки, группа будет «высказывать свое мнение и вносить рекомендации по определенным аспектам политики США в отношении Китая».

Что кроется за этой «сменой вех» в правящем классе США?

Может быть, на иных американских деятелей, которые в прошлом стремились уничтожить КНР или, на худой конец, «не замечать ее», снизошло прозрение и они решили теперь привести свою политику в соответствие с требованиями реальной действительности? Или, возможно, тайваньский режим перестал быть безропотным орудием Вашингтона?

Конечно, нет. Разгадку метаморфоз, происходящих с «тайваньским лобби», следует искать не столько в Вашингтоне, сколько в Пекине, в его раскольнической позиции.

На мельницу империалистической пропаганды

В Соединенных Штатах никогда не было недостатка в голосах, призывавших Вашингтон во имя разума и укрепления мира отказаться от агрессивной политики в отношении Китайской Народной Республики. Однако в прошлом эти голоса, за редким исключением, принадле-

жали представителям тех общественных слоев, которым не дано права вершить политические дела. Затем, как мы имели возможность убедиться, положение стало меняться. Требования «сменить вехи» в американо-китайских отношениях все настойчивее начали раздаваться в кругах, пользующихся решающим влиянием при разработке и осуществлении внешнеполитической линии Вашингтона.

И чем дальше заходила маоцзэдуновская группа в своей борьбе против СССР и других социалистических стран, тем громче становились требования правящего класса США отказаться от старого «жесткого курса».

С того момента, когда на чашу весов бросили свое влияние власть имущие, аргументы в пользу «нормализации» отношений с КНР приобрели иное звучание, имеющее мало общего с делом укрепления всеобщего мира. Речь пошла уже не о нормализации отношений как таковой, а о том, как использовать раскольнический курс Пекина и сложившуюся в результате этого ситуацию в интересах империализма, для усиления идеологической и политической борьбы против социалистической системы, против мирового коммунизма.

Цели правящего класса США, в том числе и тех, кто входил когда-то в «тайваньское лобби», остались неизменными. Они сводятся к тому, чтобы ослабить позиции социалистической системы, подавить национально-освободительное движение, подчинить народ Китая своему господству. В свое время вашингтонские руководители считали наилучшей для себя политикой агрессию против КНР и всемерную поддержку Чан Кай-ши. Но вот обстановка изменилась. И вчерашние хозяева США сочли за благо прибегнуть к другим методам для достижения тех же целей.

Стоит только перелистать страницы монополистической прессы США и некоторых других западных стран, как сразу же станут ясны подлинные мотивы империалистов, начавших заигрывать с Пекином, а также неприглядная роль группы Мао.

Прежде всего остановимся на том, как пыталась и пытается империалистическая пропаганда нажать идеологический капитал на авантюристических зигзагах внешней и внутренней политики Пекина.

Известно, какие серьезные трудности (если не ска-

зять больше) испытывают в США и прочих империалистических государствах антикоммунистические идеологи. Внушительные успехи Советского Союза и других социалистических стран в области экономики, научно-технического прогресса и культуры, неуклонный рост влияния и авторитета миролюбивой внешней политики социализма нанесли очень чувствительные удары по многим ходульным мифам антикоммунистической пропаганды, намного затруднили использование ее традиционных приемов и методов. Профессиональным лжецам стало куда труднее клеветать, извращать истинное положение дел, передергивать карты. Недаром редактор выходящего в Лондоне журнала «Сэрвей» Уолтер Ракер жаловался в начале 1958 года, что антикоммунизм «становится рискованным времяпровождением, которое многим стоит их репутации».

«Большой скачок» в Китае, начавшийся весной 1958 года и сопровождавшийся насилиями над экономикой, разорением города и деревни, резким падением жизненного уровня народа и злоупотреблениями властью, стал первыми «именинами сердца» антикоммунистов, усмотревших в этом предлог для дискредитации экономической политики коммунизма вообще. Профессиональных лжецов мало интересовал тот факт, что «большой скачок» не имел ничего общего с теорией и практикой марксизма.

Вслед за этим в костер антикоммунизма пекинские руководители подбросили такой горючий материал, как меры, ведущие к подавлению в Китае социалистической демократии, насаждению культа личности Мао Цзэ-дуна, расправе с инакомыслящими, как, наконец, меры, фактически направленные на разгром Коммунистической партии Китая. Повсеместное насаждение армейских порядков, крайний субъективизм и волюнтаризм, истребление интеллигенции и тех, кто не то что не согласен с «идеями Мао», а просто не проявляет к ним чрезмерного энтузиазма,—вся пресловутая «культурная революция» была прямо-таки с аплодисментами встречена антикоммунистическими идеологами.

Этих идеологов более чем устраивали и последовавшие со стороны Пекина заявления о возможности и даже желательности развязывания мировой войны и готовности пожертвовать в ней сотнями миллионов людей.

1 сентября 1963 г. была опубликована официальная китайская версия произнесенной в 1957 году речи Мао Цзэ-дуна, в которой он вспоминал разговор, состоявшийся с «одним иностранным государственным деятелем» (известно, что речь шла о Джавахарлале Неру) осенью 1956 года. «Можно ли предположить, какое количество людских жертв может вызвать будущая война? — говорил тогда Мао. — Возможно, будет одна треть из 2700 млн. населения всего мира... Я считаю, это еще мало. Но не так плохо, если бы и половина... Если половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за век население опять возрастет, даже больше чем наполовину».

Развивая эту мысль, газета «Жэньминь жибао» писала в апреле 1960 года: «Мы убеждены, что эти жертвы вскоре будут возмещены и на развалинах мертвого империализма победоносные народы вскоре построят цивилизацию, в тысячу раз более высокую, чем капиталистическая система».

Трудно найти такой орган монополистической прессы, который не преминул бы воспользоваться этим случаем, дабы снова попытаться гальванизировать пугало «агрессивности коммунизма».

Далее из Пекина раздалось ласкающие слух империалистических идеологов обвинения в адрес СССР, будто бы он несет ответственность за развал экономики Китая. Разумеется, эти утверждения были клеветой, рассчитанной на то, чтобы отвлечь внимание китайского народа от подлинного источника обрушившихся на него бед.

В не менее широких масштабах империалистическая пропаганда использует в своих грязных целях подрывную деятельность Пекина в мировом коммунистическом движении, в международных демократических организациях, в движении сторонников мира и т. д. С особым удовольствием смаковала она деятельность пекинских агентов в тех или иных коммунистических партиях, а также в странах Азии, Африки и Латинской Америки, широко предоставляя свои страницы для аргументации раскольников. Будь то попытки устроить обструкцию на конгрессах сторонников мира, будь то провокационные

выходки в международных организациях литераторов, журналистов, молодежи, будь то попытки сорвать мероприятия, проводимые Международной демократической федерацией женщин,— все это вызывало ликование монополистической печати. Такая деятельность Пекина, естественно, нанесла ущерб международному коммунистическому движению, общему фронту антиимпериалистической борьбы народов, осложнила политическую обстановку в мире.

Злопыхательски используя факты, почерпнутые из раскольнической деятельности Пекина, империалистическая пропаганда повела широкую кампанию с целью создать искаженное представление о коммунизме среди общественности капиталистических стран. В какой-то мере эти усилия клеветников не остались безрезультатными. Вот что пишет об определенных общественных слоях капиталистического мира видный деятель английского и международного рабочего движения Палм Датт: «У них создавалось впечатление, будто международное коммунистическое движение безнадежно расколото, что между двумя крупнейшими социалистическими странами и их партиями и руководством возник явный и острый конфликт. Отсюда и принятое в печати определение этого вопроса как «советско-китайского конфликта» — оно рисует в ложном свете эту ситуацию, в которой китайская коммунистическая партия переживает ненормальную фазу, приводящую ее к конфликту с подавляющим большинством социалистического лагеря и других коммунистических партий».

В спекуляциях империалистической пропаганды начался новый этап, характерные особенности которого ясно обозначились несколько позднее и вполне проявились после начала «культурной революции». Империалистические идеологи уже не просто брали на вооружение некоторые тезисы Мао, но и начали их отстаивать с неменьшим рвением, чем сам Пекин. Вскоре был сделан еще один шаг: «торговцы общественным мнением» принялись вдалбливать в головы обывателей мысль, будто именно руководители КПК в наиболее законченном виде воплощают теорию и практику «истинного марксизма».

По логике вещей следовало бы ожидать, что после подобного «открытия» на группу Мао обрушатся с За-

пада поток брани, громы и молнии. Но ничего подобного не произошло. Тон комментариев буржуазной печати в адрес Пекина был и остается не просто спокойным, а даже в какой-то мере сочувственным.

Разумеется, даже антикоммунистические невежды отдают себе отчет в подлинном смысле происходящих событий. Выступая 20 апреля 1965 г. в конгрессе Соединенных Штатов, сенатор Трастон Мортон говорил, имея в виду группу Мао: «Китайские коммунисты вовсе не являются коммунистами. Они прежде всего китайцы, возрождающие старую традиционную политику Китая. Следуя этой политике, Китай на протяжении многих лет пытался утвердить свое господство в Азии».

Однако подобную откровенность империалисты позволяли себе только в узком кругу — таком, как круг конгрессменов. Что же касается массовой пропаганды, то она изображала линию Мао как «истинно марксистскую», а все его авантюры — как естественный итог теории и практики коммунизма...

Чем объясняется трогательная забота антикоммунистических идеологов о том, чтобы именно Мао выглядел как «правоверный марксист»?

Ответ на этот вопрос становится простым, если принять во внимание следующее обстоятельство: выдавая пекинским руководителям патент «истинного коммунизма» и одновременно расписывая расправы над членами КПК, культ личности Мао, нарушения социалистической демократии, бесчинства хунвэйбинов и цзаофаней и т. д., определенная часть антикоммунистических стратегов на все лады смакует клеветнический тезис о «неразрывной связи» коммунизма и «тоталитаризма», «подавления личности», «террористических методов».

Но это лишь одна сторона медали. Есть и другая. Она состоит в том, что «культурную революцию» в Китае выдают за «борьбу истинных революционеров» (сиречь хунвэйбинов и тех, кто ими командует) против «бюрократического искажения коммунизма», олицетворяемого, мол, противниками Мао, советскими коммунистами и другими марксистско-ленинскими партиями. Так, некий Жак Бехлер, повторяя этот лживый тезис в своей статье, напечатанной во французской газете «Монд» 19—20 марта 1967 г., даже призывает в свидетели... Троцкого. Он напоминает о том, что в свое вре-

мя в борьбе против партии Ленина Троцкий (разумеется, «истинный революционер») выдвинул тезис о «перерождении коммунистов» и пытался заигрывать с молодежью, называя ее «верным барометром партии». То же самое, говорит Бехлер, делает сегодня Мао, который «сохранил достаточную веру в идеал» и поднял китайскую молодежь против «переродившейся партийной бюрократии».

Автор статьи, очевидно, и не подозревает, какой поцелуй смерти запечатлевают он на идее «истинно марксистского характера» деяний Мао, объявляя его учеником Троцкого. Но здесь важно отметить другое: многие органы западной пропаганды со всей готовностью и усердием пропагандируют тезисы маоистов, враждебные нашей стране и партии. Более того, руководители империалистической пропаганды не только сами спекулируют на пекинских раскольниках, они позволяют Пекину спекулировать на собственном идеологическом рынке.

Характерный факт: за последнее время Соединенные Штаты и некоторые другие империалистические государства распахнули свои двери для пекинской литературы. В США уже давно действует фирма «Китайские публикации», специализирующаяся на продаже китайской литературы. На протяжении многих лет она влачила жалкое существование. Но после начала «культурной революции» и усиления накала антисоветской пропаганды в КНР положение изменилось. Продукция «Китайских публикаций» начала занимать видное место на полках книжных магазинов США. А в Нью-Йорке, Нью-Хайвене, Сан-Франциско появились даже специализированные книжные магазины, торгующие пропагандистскими изданиями Пекина. Президент «Брентано» — крупнейшей американской фирмы по продаже подобного рода литературы — Леопольд Шварц заявил, что этот «бизнес идет бойко».

Ну а как же строжайшие американские законы, запрещающие всякую торговлю с КНР? В них, оказывается, нашлись лазейки. Министерство финансов США охотно выдало лицензии двум фирмам на закупку книг и журналов в Китае, официально удостоверив их право на торговые сделки с Пекином.

В лабиринтах Гонконга и Макао

«Жемчужиной Востока» назвала английская писательница Агнес Смедли португальскую колонию Макао, расположенную в юго-восточной части Китая, на берегу бухты, в которую впадает река Сицзян. С неменьшим правом так можно назвать и находящийся как раз напротив, в той же самой бухте (точнее, на островке, отдаленном от континента проливом в 2—3 километра шириной), Гонконг. Португальцы обосновались в Макао еще в XVIII столетии. С 1842 года Гонконг принадлежит Англии по Нанкинскому договору, навязанному Китаю после первой «опиумной войны» — одной из войн, при помощи которых европейская, а также американская буржуазия взламывала двери «небесной империи» и превращала китайский народ в своих колониальных кули.

Издавна Гонконг и Макао играют в закабалении Китая особую роль. Эти города стали не только военными опорными пунктами империалистических держав, но и каналами транзитной торговли, через которые в эпоху империализма в Китай хлынул поток английских, французских, американских капиталов и товаров, в том числе таких, как опиум и оружие, а из Китая шел навстречу еще более обильный поток прибылей. По окончании второй мировой войны эти прибыли потекли главным образом в сейфы монополий США.

После победы народной революции американцы приложили все силы к тому, чтобы удержать позиции, которые считались чрезвычайно важными для успеха попыток вновь надеть на китайский народ ярмо порабощения.

В той новой политике, которую американские правящие круги стали проводить в отношении Пекина в связи с раскольническим курсом Мао и его группировки, «южнокитайским воротам» отводится весьма специфическое место. Оно определяется хотя бы тем, что, согласно статистическому ежегоднику министерства торговли США, товарооборот Соединенных Штатов с Гонконгом достиг в 1965 году 534 млн. долл., что в 8 раз больше, чем в 1955 году. Чтобы представить себе реальное значение этой цифры, напомним, что населе-

ние Гонконга — всего 3 млн. человек. В Советском Союзе и странах Восточной Европы проживает 300 млн. человек, а торговля США с этими странами в 1965 году выразилась в куда более скромной цифре — 278 млн. долл. Естественно, что сам Гонконг никогда бы не смог вести с Америкой столь интенсивную торговлю. Как указывал на страницах ливанской газеты «Дейли стар» английский журналист Бладуорт, Гонконг и Макао являются «плацдармом капиталистического мира», на котором представители Пекина могут свободно действовать «как торговцы, разведчики и банкиры».

По сообщению лондонского журнала «Истерн уорлд», американское генеральное консульство в Гонконге имеет беспрецедентный для такого рода учреждений штат дипломатов — 150 человек! Одних только работников, имеющих звание консула (что приравнивается к рангу первого секретаря посольства), там насчитывается 29. «Консульский аппарат организован в основном так же, — замечает журнал, — как посольство одной великой державы в другой».

За последние годы Гонконг превращен в важную опорную базу американской военщины на Дальнем Востоке. Среди факторов, вызвавших расцвет этой английской колонии, газета «Нью-Йорк таймс» называет «наплыв солдат действующей во Вьетнаме американской армии, которые прибывают сюда на отдых или в отпуск. Соображения безопасности не позволяют публиковать сведения о точном числе американских военнослужащих, приезжающих в Гонконг, но достаточно упомянуть, что они тратят здесь до 2 млн. долл. в месяц».

Как военным отпускникам, так и гражданским туристам (американцы и здесь составляют подавляющее большинство) Гонконг в состоянии предложить широкий ассортимент развлечений. Это и «Орлиное гнездо» в отеле «Хилтон» — ночной клуб с эстрадной программой и видом на город, и отделанный алым лаком «Баттон клуб» в отеле «Мандарин», бесчисленные притоны рангом пониже. Ночные клубы и отели отчаянно конкурируют между собой и предоставляют американской солдатне и туристам разнообразный круг «развлечений» в любое время суток. Некоторые отели перешли к обслуживанию постояльцев «лунными ваннами» на сампанах под аккомпанемент оркестров.

«Районы Ванчай, Коулун и Норт-Пойнт кишат американцами в форме цвета хаки, темно-синих форменках моряков и зеленых мундирах морских пехотинцев,— уточняет «Нью-Йорк таймс». — Улица Натанроуд в районе Коулун выглядит сейчас, как Таймс-сквер в Нью-Йорке. Американские солдаты сорят деньгами в барах, ночных клубах, магазинах, ресторанах, немало денег тратится и на гёрлз».

Военно-морской флот Соединенных Штатов, оплачивая 50% содержания английской военно-морской базы в Гонконге, снабжает здесь свои корабли свежим мясом и питьевой водой (хотя эта колония не может похвастаться избытком продовольствия и особенно питьевой воды).

В 1965 году было зарегистрировано более 300 случаев захода в Гонконг военных кораблей американского 7-го флота, в том числе атомных авианосцев «Энтерпрайз» и «Биверидж». 31 января 1965 г. находившийся на борту авианосца «Энтерпрайз» начальник третьей дивизии авианосцев адмирал Генри Л. Миллер, принимая корреспондентов, произнес речь с угрозами в адрес ДРВ, причем намекал на возможность использования там ядерного оружия.

В 1966 году число заходов достигло уже 390, а за первые два месяца 1967 года в гонконгском порту бросали свои якоря около 80 кораблей 7-го флота США, в том числе авианосцы «Франклин Д. Рузвельт», «Беннингтон», «Китти хок» и «Энтерпрайз», десантный корабль «Иводзима», крейсер «Лонг бич», флагманский корабль 7-го флота «Провиденс» и т. д.

Газета «Нью-Йорк таймс» имела все основания писать о Гонконге: «Красный флаг коммунистического Китая развевается здесь по соседству со звездно-полосатым флагом американцев... Нигде в мире Китай и Запад не слились воедино столь успешно и нерасторжимо».

Когда деньги приобретают запах...

Гонконг — самый большой дом тайных свиданий пекинских и капиталистических эмиссаров. По данным газеты «Обсервер», Пекин контролирует здесь «по

крайней мере 14 банков, ряд страховых компаний, экспортно-импортных организаций и пароходных фирм».

В гонконгских лабиринтах действуют колоритные фигуры, вроде, например, некоего Хо Иня, которого зарубежные газеты прямо называют финансовым диктатором Макао. В этой португальской колонии он владеет четырьмя банками с широкими международными связями (в том числе банком «Таи Фунг»), пятью отелями, дорожками для собачьих бегов, двумя газетами, автобусной и таксомоторной компаниями, пятью школами, одной больницей и всеми кинотеатрами. В Пекине он выступает как член Политического консультативного совета Китайской Народной Республики. Через этого человека, свидетельствует ливанская газета «Дейли стар», проходят крупнейшие сделки между Пекином и капиталистическими странами. «Торговля золотом и наркотиками,— пишет газета,— производится не от случая к случаю. Золото открыто ввозится и продается».

Процветание подобных темных личностей — не случайность. В немалой мере оно связано с тем, что на протяжении последних нескольких лет происходит переориентация внешнеторговых связей Китайской Народной Республики на капиталистический рынок. Если раньше подавляющая часть внешнеторгового оборота КНР приходилась на долю социалистического лагеря, то теперь его место заняли капиталистические страны.

По оценке американского журнала «Бизнес уик», общий объем внешней торговли КНР выразился в 1966 году в сумме 4,5 млрд. долл., которая приблизительно поровну распределилась между экспортом и импортом. Это на 12,6% больше, чем в 1965 году. Что касается девяти основных капиталистических партнеров Китая, то их оборот возрос за год на 32,1%, то есть почти втрое опередил объем внешнеторгового оборота КНР, и к началу 1967 года составил 70% его общей суммы. Помимо Гонконга крупнейшими партнерами Китая по торговле следует признать Японию (оборот в 1966 г.) — 621 млн. долл., Западную Германию — 227 млн. долл., Францию — 169 млн. долл., Канаду — 165 млн. долл., Италию — 109 млн. долл., Австралию — 109 млн. долл.

Сам по себе факт переориентации внешнеэкономических связей на капиталистические страны говорит о многом.

Как известно, социалистические государства выступают за широкое развитие равноправного и взаимовыгодного экономического сотрудничества со странами капитализма. Таков важный элемент политики мирного сосуществования государств с различными общественно-экономическими системами. При этом, однако, главным направлением и решающей составной частью внешней политики каждой социалистической страны является постоянно углубляющееся и совершенствующееся сотрудничество с другими братскими странами на основе ленинских принципов пролетарского интернационализма, международного социалистического разделения труда. Оно отвечает как интересам каждой из стран социализма, так и задачам укрепления мировой социалистической системы в целом. И наоборот, отход от такого сотрудничества не только наносит ущерб интересам мирового социализма, но прежде всего причиняет вред делу социалистического строительства в той стране, которая осуществляет такой отход. А в таком масштабе, как это имеет место в Китае в результате политики нынешних пекинских руководителей, этот отход вместе с другими действиями этих руководителей уже поставил под угрозу социалистические завоевания.

Характерно и то, на кого именно больше всего ориентируется Пекин в своей внешней торговле. Из западноевропейских стран особенно быстрыми темпами расширяются торговые отношения между КНР и Западной Германией. Наиболее агрессивный отряд европейских монополий — западногерманский финансовый капитал (конкретнее в данном случае — фирма «ДЕМАГ») является ведущей силой западноевропейского консорциума, заключившего с Пекином крупнейшую сделку на поставку сталепрокатного комплекса стоимостью 150 млн. долл. Другой крупнейший концерн ФРГ — «Маннесман» — ведет переговоры о поставке в Китай прессов для производства труб на сумму 5 млн. долл.

Кроме, так сказать, самостоятельной торговли с Пекином Западная Германия часто выступает в сделках с Китаем в качестве посредника, прикрывающего тайные сделки эмиссаров Мао с Соединенными Штатами. Одной из наиболее известных акций такого рода стала разоблаченная в феврале 1966 года журналом «Мейнстрим» история с продажей КНР американского ору-

зия. Речь шла ни много ни мало, как о поставках Пекину бомбардировщиков «Б-26», «Т-28», «ДС-6» и торпедных катеров «С-4» водоизмещением 160 т, специальных тяжелых грузовиков и другого военного снаряжения из числа «излишков» армии США. Хотя модели продававшихся самолетов до некоторой степени устарели, сами эти самолеты были выпущены совсем недавно.

Точно такие же самолеты широко используются армией США во Вьетнаме.

Сделка осуществлялась через западногерманского предпринимателя Иоахима Зайденшнур — бывшего офицера гитлеровского вермахта, заработавшего на посредничестве изрядную сумму денег. «Имеющаяся в нашем распоряжении весьма ограниченная информация, — добавлял «Мейнстрим», — свидетельствует о том, что Зайденшнур отнюдь не единственный агент, занимающийся перепродажей американского оружия Китаю. Пекин также закупает у швейцарских фирм западное стрелковое оружие, тяжелые грузовики и другое военное снаряжение».

Рост деловых контактов и общее размораживание политических отношений между КНР и ФРГ особенно стремительно начали развиваться после 1964 года. Почему именно этот год стал поворотным пунктом? Очевидно, потому, что в 1964 году из Пекина раздались голоса, которые с довольно большой точностью воспроизводили кое-что из жаргона западногерманских реваншистов. Министр иностранных дел Чэнь И, например, переходя на этот жаргон, заговорил о «двух частях Германии», хотя, как известно, после второй мировой войны сложились и развиваются два самостоятельных германских государства. А в дальнейшем, в связи с Конференцией коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшейся в Карловых Варах в апреле 1967 года, в Пекине даже «забыли» о существовании Германской Демократической Республики — суверенного социалистического государства, назвав ее «Восточной Германией».

«Китай далеко.., — объявил в свое время Вилли Брандт, ныне западногерманский министр иностранных дел. — Тем не менее у Германии (имеется в виду ФРГ. — *Вл. Ж.*) в политической игре может быть китай-

ская карта, которую не следует откладывать в сторону или не замечать».

На реваншистской основе, густо удобренной пекинскими руководителями антисоветской клеветой и нападками на Германскую Демократическую Республику, и сложились тесные контакты между Бонном и Пекином.

Любопытно и другое. Пекин, который так охотно клянется в любви к угнетенным народам Африки, остается одним из немногих районов мира, продолжающих вести активную торговлю с расистскими режимами Южно-Африканской Республики и Родезии. Объем торговых сделок между Преторией и Пекином возрос с 1961 по 1963 год в 10 раз и достиг 7 млн. ф. ст. в год. Примечательно, что с 1963 года правительство ЮАР прекратило публикацию данных на этот счет. Отвечая в 1965 году на запрос в южноафриканском парламенте, министр экономики ЮАР заявил, что не в государственных интересах публиковать соответствующие цифры. Однако некоторые сообщения, появившиеся на страницах западной печати, позволяют приподнять завесу секретности. Как сообщал из Сингапура корреспондент газеты «Ранд дейли мейл», в настоящее время торговля между Пекином и Южной Африкой находится на уровне 7 млн. ф. ст. в год.

Примерно так же складываются и торговые отношения с Родезией. «Известно, что за последнее время, — писал сингапурский корреспондент газеты «Обсервер», — Китаю была продана по крайней мере одна крупная партия родезийской кукурузы через третью сторону, почему эта сделка и не была отражена в родезийских материалах как экспорт в Китай».

Хотя пекинская пропаганда мечет громы и молнии по адресу Австралии, принимающей активное участие в американской агрессии против Вьетнама, эта страна остается крупнейшим поставщиком пшеницы в Китай. Как сообщают западные газеты, австралийские бизнесмены с оптимизмом смотрят в будущее: пропаганда не мешает эмиссарам Пекина расширять торговлю с «лучшим союзником США» на Дальнем Востоке.

После начала «культурной революции» многие западные органы прессы выражали опасения, что эксцессы хунвэйбинов могут неблагоприятным образом затро-

нуть деловые отношения Пекина с капиталистическими странами. Однако на деле это оказалось не так. «Коммунистические хозяева Пекина,— с удовлетворением констатирует орган американских деловых кругов «Бизнес уик»,— безусловно, не допустили, чтобы «культурная революция», охватившая Китай, серьезно разрушила их сделки с капиталистами».

Как явный признак стремления маоцзэдуновской группировки расширять экономические связи с западными странами монополистическая печать восприняла, мягко говоря, почтительное отношение пекинских властей к китайским капиталистам, играющим важную роль во внешнеторговых сделках Пекина.

Откуда вообще взялись эти капиталисты?

Известно, что в Китае не осуществлялась политика немедленной экспроприации национальной буржуазии, а проводился курс выкупа средств производства у нее. В начале 1956 года было проведено поотраслевое преобразование всей частной торговли и промышленности в социалистическую. Собственность капиталистов была оценена, и от общей суммы капиталов бывшие хозяева заводов и магазинов стали получать в порядке выплаты им стоимости их имущества 5 процентов годовых. Это и есть «красные капиталисты» Китая, как их называет западная пропаганда.

В конце января 1967 года, в разгар «культурной революции», на страницах американского журнала «Тайм» появилась фотография счастливой и довольной жизнью китайской семьи. Это была семья У Цзун-и — крупного шанхайского текстильного фабриканта, продолжающего процветать, несмотря на «культурную революцию» (а может быть, даже благодаря ей?). На той же фотографии был запечатлен американский профессор Барри М. Ричмен, проводивший несколько месяцев в КНР, где он изучал вопрос о воздействии «культурной революции» на положение китайских капиталистов. Любопытные результаты своих наблюдений Ричмен опубликовал в пространной статье в журнале «Гарвард бизнес ревью».

Семейство У Цзун-и получает годовой доход в размере более 50 тыс. долл., держит слуг и разъезжает в собственной роскошной автомашине. Сингапурская газета «Истерн трейд газетт» приводит еще более рази-

тельные факты. Она рассказывает о шанхайском капиталисте (имя его не названо), который получает ежегодный доход в размере 1 млн. долл. и является заместителем мэра Шанхая, а также депутатом Всекитайского собрания народных представителей. Судя по всему, газета имеет в виду одного из богатейших «народных капиталистов» Китая миллионера Жун И-жэня. Издающийся в Гонконге экономический журнал «Фаристерн экономик ревью» сообщил, что на текущем счету Жун И-жэня — около 50 млн. юаней. Он живет в большом собственном доме, располагает целым штатом слуг и имеет две личные автомашины.

В момент, когда под предлогом борьбы с «капиталистическими подонками» хунвэйбины творили неслыханные расправы над рабочими, революционерами и коммунистами, несогласными с политикой Мао Цзэдуна, оставшиеся в КНР капиталисты, свидетельствует Ричмен, продолжали благоденствовать. Они преспокойно получают свои барыши, тогда как известно, что любые попытки рабочих добиться улучшения условий жизни пресекались как проявление «ревизионизма». По всей стране толпы хунвэйбинов громят организации Коммунистической партии, а так называемая демократическая партия, представляющая интересы китайских капиталистов, продолжает действовать как ни в чем не бывало.

«Хорошо охраняемые зажиточные кварталы Нанкина, Шанхая, Чунцина и Кантона, где живут красные миллионеры, — свидетельствует «Истерн трейд газетт», — до сих пор избавлены от разрушительных действий «красных охранников»... Они (богатые обитатели этих кварталов. — *Вл. Ж.*) разъезжают в элегантных английских лимузинах «Ягуар», словно члены правительства, и даже «красные охранники» относятся к ним с уважением... Они и члены их семей окружены такой роскошью, которая даже не снилась крестьянам... Им разрешили и разрешают даже сейчас ездить за границу».

Поясняя, почему в разгар «культурной революции» капиталисты ведут вольготную жизнь, та же «Истерн трейд газетт» указывает на их «проверенные временем связи» с зарубежными промышленниками и торговцами, которые помогают пекинским руководителям «получать иностранную валюту»

Подлинная цена воинственной риторики

До определенного времени буржуазная пропаганда охотно изображала дело таким образом, будто Китай жаждет военного столкновения с США и другими империалистическими странами. Возникла даже литература, расписывавшая «китайскую угрозу». Пекин, не жалея сил, подогревал эти настроения, делая архивовинственные заявления в адрес американского империализма, и одновременно клеветал на СССР и другие социалистические страны, шумно обвиняя их в «пособничестве» Вашингтону и «предательстве» дела коммунизма.

Теперь ведущие обозреватели западных стран и американские политические деятели все чаще приходят к выводу, что вряд ли такая угроза существует для стран капиталистического мира.

Американский профессор Д. Загориа утверждает: в отношении Соединенных Штатов «между китайской риторикой и подлинной воинственностью пролегает существенная дистанция». В свою очередь, и профессор Барнетт отмечает, что пекинские руководители, когда речь идет о США, «судя по всему, не мыслят категориями прямой военной и территориальной экспансии; они, по-видимому, признают ограниченность своих возможностей в области военных действий за пределами китайских границ... В достижении своих целей в южном направлении они не раз проявляли гибкость и прагматизм, с тем чтобы приспособить стратегию и тактику к изменяющейся ситуации». Журнал «Ньюсуик» 21 марта 1966 г. добавлял: «Лица, изучающие китайские издания, отмечают, что Пекин занят переоценкой своих отношений с Западом и меньше думает о возможностях близкой войны с Соединенными Штатами».

На чем основывают свои умозаключения американские специалисты по Китаю? Может быть, перед нами тот случай, когда желаемое выдается за действительное?

Обратимся к фактам.

Уже не один год американские самолеты летают в китайском небе, а корабли США бороздят территори-

альные воды Китая. Только в 1966 году, согласно официальным китайским данным, самолеты США более 45 раз нарушали воздушное пространство КНР, а корабли 7-го флота США, которые столь любезно встречает Гонконг, около 30 раз вторгались в китайские территориальные воды. В апреле 1966 года американские военные самолеты обстреляли китайские рыболовные суда, нанеся им большой материальный ущерб. 12 мая того же года пять американских истребителей, нарушив воздушное пространство КНР, сбили китайский военный самолет. В конце августа американская авиация потопила в Тонкинском заливе китайское судно и повредила другое. Было убито девять китайских граждан.

30 ноября и 1 декабря 1966 г. в результате налетов американских военных самолетов было потоплено 6 китайских рыбацких лодок, убито 17 и ранено 9 рыбаков. 2 мая 1967 г. четыре американских истребителя вторглись в воздушное пространство Китая над южной частью уезда Нинмин в Гуанси-Чжуанском автономном районе и сбросили несколько бомб, причинив ущерб собственности и угрожая жизни людей.

Как же реагирует Пекин на эти акты прямой агрессии? Он объявляет... «серьезные предупреждения», счет которым уже приближается к 500.

Но кто относится серьезно к этим «серьезным предупреждениям»? Каждому ясно: они делаются лишь для «спасения лица».

Оценивая воинственную риторику Пекина, газета «Нью-Йорк таймс» еще 18 сентября 1964 г. писала: язык официальных заявлений Пекина «потерял всякую ценность и преследует лишь пропагандистские цели. Слова, которые прежде свидетельствовали об определенных воззрениях или о готовящихся событиях, в значительной степени утратили свой эффект вследствие того, что они бесконечно повторяются, а действий за ними не следует».

Газета ссылалась, в частности, на поведение Пекина во время так называемого «тонкинского инцидента», разыгравшегося в августе 1964 года. Американская пропаганда подняла тогда немалый шум, утверждая, что суда военно-морского флота США подверглись «неспровоцированному нападению» северовьетнамских торпед-

ных катеров. Прошло время, и американские самолеты подвергли первым бомбардировкам территорию ДРВ.

Сейчас становится совершенно очевидным, что это была заранее спланированная провокация, призванная проверить реакцию КНР на воздушные налеты против Демократической Республики Вьетнам. И что же? Как отмечала «Нью-Йорк таймс», за крайне воинственными заявлениями, прозвучавшими тогда из Пекина, «не последовало никакой серьезной военной реакции». «Сейчас,— заключала газета,— мало кто обращает внимание на постоянные утверждения министра иностранных дел Чэнь И, что Соединенные Штаты „заплатят кровью”».

В феврале 1965 года, когда в Вашингтоне решался вопрос о широком вмешательстве регулярных американских сил в грязную войну в Южном Вьетнаме и о начале регулярных воздушных налетов на ДРВ, в Пекине произошла встреча Мао Цзэ-дуна с американским журналистом Эдгаром Сноу. В ходе беседы Мао заявил буквально следующее: «Китай не имеет войск за пределами своей территории и не имеет намерения драться с кем бы то ни было до тех пор, пока на его территорию не будет совершено нападение... Китайские армии не станут вести войну за пределами своей территории. Это ясно. Китайцы станут драться лишь в том случае, если американцы нападут на них. Это тоже ясно... Преступно драться за пределами своей территории. Да и зачем китайцы стали бы делать это?».

Говоря об американо-китайских отношениях, Мао подчеркнул: «Неизбежно, что в один прекрасный день история сблизит эти два народа. У меня, пожалуй, есть основания думать, что отныне войны больше не будет. Война вспыхнула бы лишь в том случае, если бы американские войска вступили в Китай». Касаясь перспектив улучшения американо-китайских отношений, Мао заявил, что «надежда на это имеется; для этого понадобится время».

Мы уже не говорим о том, насколько далеки были эти заявления от выразившейся Мао Цзэ-дуном готовности швырнуть в костер ядерной войны половину человечества. Не говорим мы и о том, что в периоды обострения американо-советских отношений, как это было в октябре 1962 года, Пекин всеми имевшимися в его распоряжении средствами пытался толкнуть СССР и

США на вооруженный конфликт, а затем шумно обвинял Советский Союз в «умиротворении» империализма.

Всем памятна также позиция, занятая группировкой Мао в связи с агрессией Израиля против арабских стран летом 1967 года. Подоплека демонстративных призывов Пекина вести войну до «победного конца» ясна. Пекинские руководители исходили при этом не из интересов восстановления мира на Ближнем Востоке, не из интересов единства социалистических и арабских стран. Нет, здесь явно преследовалась цель — нагнетать напряженность, накалить ситуацию до такой степени, когда стала бы неизбежной «маленькая война» на Ближнем Востоке в качестве запала большой всеобщей войны, причем сам Китай остался бы в стороне.

Воинственность за чужой счет, взятая на вооружение Пекином, стала для маоцзедуновской группировки одним из средств политики.

Видный американский специалист по китайским проблемам профессор Скалпино говорил: «Китайские коммунисты не намерены рисковать открытой войной с США в настоящее время. Такая война будет полностью противоречить их основной политике, которая направлена на провоцирование американо-советского столкновения».

Но вернемся к интервью Мао. В нем поражало навязчивое подчеркивание того тезиса, что Китай не будет воевать, если только не будет затронута его территория. И уже совсем сенсационным следует признать заявление председателя ЦК КПК, что для улучшения американо-китайских отношений нет никаких препятствий...

В Вашингтоне правильно поняли эти заявления. Через несколько дней после встречи Мао с Эдгаром Сноу машина военной эскалации во Вьетнаме была запущена на полные обороты. Таким образом, именно раскольническая, великодержавная политика Пекина явилась одним из обстоятельств, благоприятствующих расширению американской агрессии против Вьетнама. Если бы Пекин не противопоставил себя социалистическому лагерю, то вряд ли американские агрессоры посмели бы посягнуть на неприкосновенность границ Демократической Республики Вьетнам.

Стоит также еще раз вспомнить об отношении в США к «культурной революции». В Вашингтоне с удовлетво-

рением констатируют поворот фронта пекинской политики, тот факт, что по мере роста антисоветской истерии в Пекине ослабевают тон его воинственных угроз в адрес американского империализма. Еще в конце 1966 года газета «Нью-Йорк таймс» замечала: «Несмотря на то что крайние взгляды и догматизм в идеологии, по-видимому, продолжают играть там (в Пекине.— Вл. Ж.) главенствующую роль, угрозы в адрес Соединенных Штатов стали куда менее резкими и злобными».

Комментируя дикие выходки хулиганов возле советского посольства в Пекине, австрийская газета «Ди прессе» писала 7 февраля 1967 г.: «Китайские бесчинства и акты насилия против дипломатического персонала Советского Союза на первый взгляд носят бессмысленный характер. В то же время становится ясным, что эти бесчинства совершаются по определенному плану. Примечательно, что эти действия направлены на то, чтобы в самых широких слоях... народа Китая разжечь чувство ненависти». «Китай,— подчеркивало агентство Франс Пресс,— обостряет свои отношения с Советским Союзом, чтобы подготовить путь к прямым переговорам с правительством США».

В первом за 1967 год номере «Форин афферс», ведущего журнала монополий США по вопросам международных отношений, опубликована статья видного американского журналиста Марка Гейна, проработавшего много лет на Дальнем Востоке и совершившего в последние годы ряд поездок в Китай. И сама личность автора, не раз встречавшегося с руководителями КНР, и особенно характер высказываемых им идей придают статье особую значимость. Невольно возникает мысль: не является ли Гейн лишь передаточной инстанцией?

«Один из важнейших факторов линии Мао, не получивших еще надлежащей оценки на Западе,— пишет Гейн,— состоит в том, что Китай определенно встал на путь изоляционизма... Китайские руководители хотят разрешить свои внутренние проблемы, прежде чем возвращаться на баррикады мировой революции. Сжигаются мосты, соединяющие Китай с внешним миром... Одновременно с уходом в изоляционизм происходит переоценка американских намерений».

Совершенно очевидно, что, говоря об «изоляциониз-

ме» КНР, Гейн имеет в виду не изоляционизм вообще, а тот изоляционизм, который всячески приветствуют в Вашингтоне,— стремление Пекина изолировать китайский народ от других социалистических стран, шовинистический, великодержавный характер его политики и, наконец, отказ от активной, действенной борьбы против агрессии США во Вьетнаме.

Гейн призывает правящий класс США «правильно понять» воинственные угрозы Пекина в адрес Соединенных Штатов. Он пишет, в частности, что нашумевшую статью министра обороны КНР Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!» (сентябрь 1965 г.), где говорилось о необходимости искусственно создавать революционные ситуации в различных районах мира, о том, что надо уничтожить империализм США («мировой город») с помощью партизанских действий в Азии, Африке и Латинской Америке («мировая деревня»), вовсе не следует воспринимать буквально. «К сожалению, Запад ее не понял,— поучает Гейн.— Сейчас совершенно ясно, что это заявление скорее было одним из элементов ожесточенного спора в высших командных эшелонах: Линь Бяо излагал в ней точку зрения, которая в конечном счете возобладала». Иными словами, значение имеет не текст, а подтекст статьи Линь Бяо, направленный фактически на разоблачение антиимпериалистических сил.

Нет сомнения в том, что одним из основных фактов, свидетельствующих о переоценке намерений Пекина в отношении американского империализма, стали активные поиски пекинскими руководителями контактов с Вашингтоном на самом различном уровне. О некоторых из этих контактов мы говорили. Но дело ими не исчерпывается.

За завесой секретности

В последние годы на всех торжественных церемониях в Пекине появляется седой степенный старик, которого власти неизменно окружают почетом и уважением. Его имя — Ли Цзун-жэнь. Он был одно время президен-

том гоминдановского Китая и является одним из самых заклятых врагов китайского народа. Еще в 1927 году, после контрреволюционного переворота Чан Кай-ши, он истребил многие тысячи коммунистов. В последующие годы Ли Цзун-жэнь постоянно занимал высокие посты в гоминдановских органах, созданных для борьбы против КПК, для подавления революционного движения китайского народа. Фамилия Ли Цзун-жэня стояла под вторым номером, сразу же после Чан Кай-ши, в списке военных преступников, опубликованном компартией Китая в 1948 году.

Едва успев в 1949 году унести ноги из Китая, Ли Цзун-жэнь после недолгого пребывания на Тайване последующие годы жил в США, давая американским империалистам советы по вопросам борьбы против китайской революции. И вот 20 июля 1965 г. Ли Цзун-жэнь появляется в Пекине. На аэродроме его встречают Чжоу Энь-лай и более ста других высокопоставленных деятелей КНР. Ему дает многочасовую аудиенцию Мао Цзэ-дун. Печать отмечала, что с этого времени Ли Цзун-жэнь развил большую деятельность, доказывая необходимость сделки между КНР и США.

Изменил ли Ли Цзун-жэнь свои взгляды? Ни на йоту! Выступая 26 сентября 1965 г. в Пекине, он не только обрушился с грубыми нападками на СССР, но и заявил, что не питает никакой ненависти к Чан Кай-ши, что, по его мнению, между КНР и США не существует никаких значительных проблем, исключая Тайвань, что и этот вопрос, как он убежден, легко решить путем договоренности с Чан Кай-ши.

Хунвэйбины не тронули этого человека, они даже не осмелились выступить против него в своих «дацзыбао». Как же иначе? Ведь трогательную заботу о Ли Цзун-жэне проявляет председатель Мао. Во время праздничной демонстрации 1 октября 1966 г. он поставил этого палача и врага китайского народа между собой и Линь Бяо на трибуне площади Тяньаньмынь. В списке присутствовавших на демонстрации высокопоставленных лиц пекинские газеты назвали сначала Ли Цзун-жэня, а затем уже членов ЦК КПК.

Кого представляет и от чьего имени выступает в Пекине Ли Цзун-жэнь? Достаточно задать этот вопрос — и ответ напрашивается сам собой.

Далее. Уже 12 лет между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой ведутся регулярные переговоры на уровне послов. На первых порах эти встречи происходили в Женеве, затем их местом стала Варшава. Последняя встреча (133-я) состоялась 7 июня 1967 г. Международная общественность всегда проявляла интерес к этому официальному контакту между Пекином и Вашингтоном. События только усилили этот интерес.

Китайская пресса ничего не пишет об этих встречах. Однако в печати США и некоторых других стран время от времени появляются материалы, позволяющие несколько приподнять завесу секретности над тем, что на них происходит. Так, 4 июля 1966 г. на страницах американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» было опубликовано пространное интервью с американским послом Джоном Гронуски. «Форин афферс» в последнем номере за 1966 год поместил обстоятельную статью видного американского дипломата Кеннета Янга, посвященную этим контактам.

Какая же картина вырисовывается из материалов зарубежной периодической печати?

Встречи происходят в одном из залов Мыслевицкого дворца, спрятавшегося среди зелени Лазенковского парка на берегу Вислы. В середине зала, отделанного панелями из красного дерева и выдержанного в светло-зеленых тонах в духе поблекшей пышности прошлых времен, стоят два небольших стола, покрытых зеленым сукном. Во время встреч один из столов занимают американские представители, другой — китайские.

Встречи, как правило, начинаются в два часа пополудни, и их продолжительность колеблется от часа до четырех-пяти часов. То же самое можно сказать и о их частоте. Иногда они проходили ежедневно, иногда перерыв длился несколько месяцев. В последнее время встречи бывают не чаще четырех раз в год.

На каждом заседании либо американский, либо китайский посол делает вступительное заявление, а затем они говорят по очереди. Тот посол, который не делал вступительного заявления, автоматически предлагает в заключение объявить перерыв до следующего заседания. Ни одно заседание не может завершиться до тех пор, пока не согласована дата следующего.

«Задаются вопросы, делаются разъяснения,— пишет Кеннет Янг,— и все, что говорится, скрупулезно фиксируется на бумаге отдельно каждой стороной для внимательного изучения в дальнейшем министерством иностранных дел в Пекине и государственным департаментом в Вашингтоне». Как отмечает Янг дальше, каждый посол имеет в своем распоряжении трех высококвалифицированных помощников для перевода, составления заметок и, главное, для консультаций с коллегами другой стороны в перерывах между заседаниями. Таким образом, можно сказать, что американо-китайские переговоры в Варшаве не исчерпываются только встречами самих послов. Говоря о 133 состоявшихся встречах, мы имеем в виду только официальные встречи послов. Что же касается переговоров на более низком уровне, то их точное число хранят секретные архивы.

Судя по всему, за эти годы в Мыслевицком дворце обсуждался широкий круг разнообразных вопросов: здесь и положение американцев, находящихся в Китае, и судьба китайских граждан в США, и многое другое.

Расскажем об одной из судеб, решенных, как пишут на Западе, в ходе этих встреч. Речь идет о судьбе создателя «собственных китайских ракет», профессоре Цянь Сюэ-шене.

Профессор Цянь Сюэ-шень приехал в США в 1935 году и вскоре выдвинулся в число ведущих специалистов в области ракетостроения. Во время войны он получил чин полковника американских военно-воздушных сил и возглавлял «мозговой трест» специальной группы разведывательных служб США, разыскивавшей в Западной Германии гитлеровских ученых-ракетчиков. После войны профессор Цянь занял пост ведущего специалиста Пентагона по ракетостроению (впоследствии этот пост перешел к фон Брауну). Помимо руководства кафедрой реактивных двигателей Калифорнийского технологического института Цянь руководил отделом ракет при научной комиссии национальной обороны США и консультировал американский военно-морской флот в той же области.

Так было до 1955 года, когда, как пишет французская газета «Круа», «в результате... переговоров, проходивших в Варшаве между американскими и китайскими послами, было решено, что этот известный ученый будет „выслан в КНР“».

Напомним, что 1955 год — это год, когда по научным лабораториям США рыскали ищейки сенатора Маккарти и когда даже такие крупнейшие ученые, как Оппенгеймер, подвергались преследованию только за то, что их знакомые придерживались левых убеждений. И тем не менее американские власти разрешили человеку, имевшему самое непосредственное отношение к наиболее важным секретам национальной безопасности США, покинуть страну и переселиться в Китай...

Важное место в варшавских переговорах занимали проблемы расширения торговли и контактов, вопросы ядерного оружия и особенно проблема Тайваня. Известен случай, когда именно в ходе варшавских встреч была достигнута договоренность о ликвидации кризиса в Тайваньском проливе. Вот как описывал эту историю, разыгравшуюся в 1962 году, корреспондент американской газеты «Уолл-стрит джорнэл» Рей Уикер (номер от 17 августа 1965 г.): «В то время разведке США стало известно, что коммунисты наращивают свои военные силы на побережье против Тайваня. Может быть, замыслились планы оккупации острова? Даже одной угрозы подобной оккупации было достаточно, чтобы националистический Китай, усиленный американцами, приступил к подготовке отражения удара. Наращивание сил обеих сторон продолжалось. Напряжение возрастало. Вполне очевидно, что одна ошибка могла вызвать ответную цепную реакцию. И вот именно тогда-то у посла Кэбота (предшественника Гронуски на посту американского посла в Варшаве.— *Вл. Ж.*) раздался телефонный звонок, и посол Ван Го-цюань попросил о специальной встрече... При встрече китайский посол заявил, что красный Китай в данное время не собирается предпринимать никаких действий против Тайваня. Посол Кэбот также заверил китайцев, что США не питают воинственных намерений. На следующий же день кризис окончился».

Как отмечает Янг, «с помощью этих переговоров Вашингтон поддерживал, вероятно, более продолжительные дипломатические контакты и более разносторонние диалоги с правительством Пекина, чем любое из некоммунистических западных правительств, имеющих в Пекине свои посольства... Важнейшая сторона этих переговоров состоит в том, что они обеспечивают рабочий канал для уменьшения просчетов, выяснения намерений и разъяс-

нения предложений. Президент имеет в своем распоряжении надежный «коммутатор», чтобы в любой момент поговорить с пекинским политбюро о Вьетнаме, ядерном разоружении, улучшении отношений или по любому другому вопросу. Ответственные руководители в Пекине располагают такой же возможностью в любой момент, когда захотят ею воспользоваться».

Американская сторона выражает удовлетворение ходом встреч. Это ясно из высказываний государственного секретаря США Дина Раска и его специального помощника Уильяма Банди. В свою очередь, китайский министр иностранных дел Чэнь И в беседе с представителями японской либеральной партии в начале сентября 1966 года высоко оценил американо-китайские контакты в Варшаве и подчеркнул, что он «не обязательно исключает мысль о переговорах с США». Их содержание обычно хранится в тайне. Было только одно исключение: после встречи послов 7 сентября 1966 г. китайский представитель нарушил традицию и опубликовал заявление, полное словесных нападок на США. Газеты и журналы единодушно расценили этот шаг как проявление недовольства Пекином тем фактом, что американская сторона позволила кое-каким сведениям о переговорах просочиться наружу...

Варшава, Гонконг и другие места встреч эмиссаров Вашингтона и Пекина, о которых мы рассказывали выше,— все ли это? Западные наблюдатели высказывают мысль, что нет, не все. Как многозначительно отмечал, например, 8 мая 1967 г. сингапурский корреспондент газеты «Вашингтон пост» С. Карноу, «дипломатические связи между китайскими и американскими лицами существуют на более широкой основе, чем это общеизвестно». Иными словами, есть и другие «явочные квартиры». «Возможно, что коммунистический Китай,— многозначительно подводил итог этим встречам Карноу,— постепенно приближается к тому дню, когда станет возможной нормализация отношений с США».

Заметьте: к этому, пишет американский журналист, приближается Китай, а не США...

В июле 1967 года появился еще один канал контактов между Соединенными Штатами Америки и Китаем: американская компания «Пасифик телефон» сообщила 14 июля об открытии линии прямой телефонной связи

Шанхай — Сан-Франциско. К ней быстро можно подключить Пекин и Вашингтон. Если теперь из Вашингтона захотели бы позвонить Мао Цзэ-дуну, это не встретило бы особых затруднений.

Тремя днями ранее «Нью-Йорк таймс» писала: «Президент Джонсон, кажется, пытается сообщить руководителям коммунистического Китая о своей новой заинтересованности в ослаблении напряженности между Пекином и Вашингтоном». А на следующий день после того, как «Пасифик телефон» опубликовала свое сообщение, осведомленный американский обозреватель Дрю Пирсон отмечал в «Вашингтон пост», что Джонсон хотел бы установить контакт непосредственно с Мао Цзэ-дуном. «Президент Джонсон, — указывал Пирсон, — сделал очень смелый шаг в наших отношениях с красным Китаем, хотя об этом пока ничего не объявлено... Джонсон решил, что Соединенные Штаты должны изменить свою политику, потому что, во-первых, Китай получил ядерное оружие и, во-вторых, от него зависит мир во Вьетнаме». Добавим: «мир», какого хотели бы в Вашингтоне...

Судя по всему, влиятельные круги США удовлетворены развитием событий в Китае. Об этом говорили, в частности, участники состоявшейся летом 1967 года конференции «Национального комитета американско-китайских отношений», который был создан для «повышения интереса Соединенных Штатов к Китаю» и, насколько можно видеть, стал одним из инструментов «лобби красного Китая». Характерна деталь: по сообщениям печати, комитет получил 370 тыс. долл. от концернов Форда и Рокфеллера. На конференции отмечалось, что в Пекине утвердилось «господство военных» за счет «ослабления Коммунистической партии».

Факты показывают: по мере того как события в Китае развиваются в указанном направлении, тяга Вашингтона к активизации контактов с Пекином и, пожалуй, к повышению уровня, на котором они происходят, увеличивается.

Техника сговора

Как явствует из уже упоминавшегося интервью Дж. Гронуски еженедельнику «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», за последнее время все большее место в

варшавских встречах занимает вопрос о войне во Вьетнаме. «Эти беседы,— говорил американский дипломат,— позволяют обсудить ряд проблем, с которыми сталкиваются обе стороны, особенно в Юго-Восточной Азии... Сама серьезность ситуации в Юго-Восточной Азии делает эти встречи еще более важными. Мы имеем возможность очень ясно выразить наши точки зрения, так что ни у одной из сторон не возникает никакого ошибочного представления относительно позиции другой стороны... Я считаю это важным, потому что в этом случае мы имеем возможность получить не только заявление с изложением позиции и доводов, но можем также выяснить нюансы того или иного довода».

В свою очередь, и Янг, касаясь вопроса о Вьетнаме, указывал: «Хотя обмен мнениями не уменьшил внешней напряженности, он выявил официальные намерения, разграничил пути, открытые для обеих сторон, и предотвратил просчеты. Более активные попытки президента Джонсона обеспечить контакты (с Пекином.— *Вл. Ж.*) шли параллельно с усилением конфликта во Вьетнаме». Как явствует из статьи Янга, все шаги американской эскалации во Вьетнаме предпринимались лишь после «тщательного зондажа» ответной реакции Пекина в рамках варшавских переговоров.

Теперь после разоблачений, касающихся тайной сделки Пекин—Вашингтон в отношении вьетнамской войны, понятно, в чем состоял зондаж. Но даже если бы эти разоблачения не были опубликованы, то и тогда контуры американо-китайской сделки явственно проступали бы из подозрительного переплетения событий начала 1967 года и из того, что произошло в последующем.

Начнем с констатации того очевидного факта, что на протяжении нынешнего года Вашингтон шагает с одной ступени эскалации войны во Вьетнаме на другую. Правительство США отвергло мирную инициативу Ханоя, выдвинутую министром иностранных дел ДРВ Нгуен Зуй Чинем. Вслед за этим американская авиация начала систематические бомбардировки Ханоя и Хайфона. Затем последовало вторжение сухопутных сил США в демилитаризованную зону. Мировая печать снова и снова пытается разобраться в том, почему за последние годы точка зрения наиболее агрессивно настроенных кругов США неизменно берет верх в Вашингтоне. И мнения большин-

ства компетентных обозревателей не расходятся: причина — политика группы Мао.

Как отмечала еще в середине 1966 года на страницах газеты «Пари жур» известная французская журналистка Женевьева Табуи, говоря о результатах зондирования, «американская эскалация может продолжаться, считают в Вашингтоне, и Пекин не выступит и не придет на помощь Ханюю, если только Китай не почувствует, что ему непосредственно угрожает опасность. Именно в этом и состоит модус вивенди, по крайней мере молчаливый, который фактически существует между американцами и китайцами и который все больше принимается во внимание американской стратегией». И надо сказать, что приводившиеся выше слова Мао Цзэ-дуна, сказанные в беседе с Эдгаром Сноу, прямо подтверждают такой вывод.

Судя по ряду признаков, кое-кто в Соединенных Штатах уже считает группу Мао чуть ли не союзником США во вьетнамской войне. Во всяком случае газета «Вашингтон пост» следующим образом объяснила рост влияния «ястребов» в американском правительстве: «Это, безусловно, отражает растущую уверенность в том, что Северный Вьетнам в военном отношении из-за неразберихи в коммунистическом Китае занимает более слабую позицию». «Усиливающийся разлад Китая с Россией, — развивал этот тезис 14 февраля 1967 г. вашингтонский корреспондент газеты «Уолл-стрит джорнэл» Фредерик Тэйлор, — а также внутренняя борьба в Китае мешают поставкам военных материалов в Северный Вьетнам».

Аналогичные соображения высказывал известный американский обозреватель Уолтер Липпман в статье «Искушение Линдона Джонсона», опубликованной 27 февраля 1967 г. в журнале «Ньюсуик». «Можно утверждать, — писал Липпман, — что за последние два-три месяца, после того как стали очевидными конвульсии в Китае.., перед президентом Джонсоном встал вопрос о том, должен ли он придерживаться своих прежних обещаний об урегулировании во Вьетнаме путем переговоров или же ему следует вести войну до тех пор, пока Ханюю не капитулирует... Если послушать государственного секретаря Раска, который выступил в Вашингтоне.., если почитать высказывания журналистов, черпающих вдохновение у лиц в государственном департаменте и в Пентагоне, то есть веские основания полагать, что вновь одерживают

верх экстремисты, считающие, что победу ничто не заменит».

Американский генерал Томпсон, развивая мысль о «войне до победного конца», говорил: «Я считаю, что Китай был бы в высшей степени не склонен втягиваться в конфликт с Соединенными Штатами из-за Вьетнама именно сейчас». На этом основании Томпсон предлагал усилить нажим и не идти «на какие-либо уступки коммунизму».

Мы привели здесь высказывания западной прессы не для того, чтобы повторить оценку, которую она дает военно-политическому положению, складывающемуся в районе Индокитайского полуострова. Расчеты вашингтонских стратегов выиграть грязную войну во Вьетнаме благодаря линии пекинских раскольников построены на песке. Отпор агрессии США со стороны вьетнамского народа нарастает с каждым днем. Дело в другом: приведенные высказывания позволяют увидеть, насколько далеко зашли в своей раскольнической деятельности пекинские руководители.

Чем больше проходит времени, тем очевиднее становится, что «особая позиция» Мао и его группы в отношении помощи сражающемуся Вьетнаму преследует вполне конкретные цели в рамках отношений Пекин — Вашингтон, в частности — лишить Вьетнам возможности получать советскую помощь через территорию КНР.

Достаточно напомнить о неоднократных провокациях китайских властей против советских специалистов, а также препятствия, которые чинились при перевозке грузов, следующих через территорию КНР. Не кто иной, как министр иностранных дел КНР Чэнь И, 30 декабря 1965 г. открыто заявил, что Пекин выступает против того, чтобы Советский Союз оказывал помощь Вьетнаму, используя территорию Китая. «Советские руководители твердят, — заявил Чэнь И, — что у Советского Союза нет общих границ с Вьетнамом, как будто бы вся помощь, нужная Вьетнаму, обязательно должна доставляться через Китай». Чэнь И утверждал, что советские материалы должны доставляться во Вьетнам морем. В этом заявлении ничего не сказано о том, что в море крейсирует американский 7-й флот. Не состоит ли цель подобного заявления в попытке вызвать прямое нападение военных

кораблей и самолетов США на советские суда, следующие с грузами для вьетнамского народа?

На этом фоне вряд ли является случайным и тот факт, что в момент, когда вся международная общественность призывала Вашингтон прекратить бомбардировки ДРВ, в КНР разразился очередной приступ антисоветской истерии, причем он совпал с американо-китайской встречей в Варшаве. К тому же именно в это время из Пекина поступил «сигнал», сыгравший, по мнению американской печати, далеко не последнюю роль в том, что верх в Вашингтоне снова взяли «ястребы войны».

Известно, какой непроницаемой завесой секретности окутаны тайны «пекинского двора». Внешний мир узнает об этих тайнах только в том случае, если этого хочет Мао Цзэ-дун. И вот в дни, когда перед миром открылась возможность покончить с войной в Индокитае, из Пекина в Вашингтон, как это поведал журнал «Ньюсуик» в номере от 20 февраля 1967 г., «утекла» важнейшая информация. Творцы американской политики узнали, что Мао Цзэ-дун заявил представителям Демократической Республики Вьетнам о своем нежелании обеспечить непрерывность потока советских грузов, направляемых через территорию КНР в Ханой. «Мао заявил представителям Ханоя,— писал «Ньюсуик»,— что он не может дать им гарантии на этот счет и что он ожидает дальнейшего ухудшения советско-китайских отношений».

Чем был этот жест, как не прямой попыткой сорвать мирную инициативу ДРВ и подбросить лишний аргумент «ястребам войны» в Вашингтоне?

Такая же прелюдия предшествовала и решению Вашингтона начать боевые действия в районе демилитаризованной зоны, которые, как не без удовлетворения отмечал 19 мая 1967 г. корреспондент Ассошиэйтед Пресс, «перенесли сухопутную войну на границу Демократической Республики Вьетнам».

В марте — апреле 1967 года в китайской столице побывал американский гражданин Симон Маллэ, числившийся в то время нью-йоркским корреспондентом африканского еженедельника «Жён Африк». С этим американцем, связанным с Центральным разведывательным управлением США, встретились, как он сам утверждает, премьер КНР Чжоу Энь-лай, министр иностранных дел Чэнь И и другие виднейшие политические и военные дея-

тели Пекина. Вернувшись в начале мая в США, Симон Маллэ «позабыл» о том, что он выступал под «крышей» журнала «Жён Африк». Серию его статей начала печатать вашингтонская газета «Ивнинг стар», известная своей близостью к ЦРУ.

Как утверждал в этих статьях Маллэ, в беседах с ним пекинские руководители снова подтвердили свою старую точку зрения на вьетнамскую войну. Министр иностранных дел КНР Чэнь И заявил: Китай пошлет свои войска во Вьетнам только в том случае, «если Пекин будет считать, что американская эскалация... создает прямую угрозу для безопасности Китая» (заметьте: Китая, а не Демократической Республики Вьетнам). А затем снова разыгралась та же самая история, что и тремя месяцами раньше: Чжоу Энь-лай посвятил Симона Маллэ в содержание конфиденциальных переговоров пекинских лидеров с правительственной делегацией ДРВ.

И хотя из Пекина последовало опровержение, дальнейший ход событий показывает, что, вероятно, эти интервью в действительности все же были даны. Эти события известны: еще бóльшая эскалация войны во Вьетнаме, усиливающиеся бомбардировки ДРВ. Не только признания того или иного американского эмиссара, но и факты позволяют сделать вывод, что в конце апреля — начале мая 1967 года Пекин в весьма прозрачной форме дал Вашингтону понять: не прекращайте войну, только не слишком приближайтесь к нашим границам, и мы не пошевелим пальцем.

В свое время Китайская Народная Республика была одним из государств, активно боровшихся за заключение Женевских соглашений 1954 года по Индокитаю. Когда Соединенные Штаты, грубо поправ эти соглашения, начали создавать в Южном Вьетнаме террористический режим Нго Динь Дьема, а затем ввели войска на эту часть вьетнамской территории и начали свою грязную войну, Пекин выступал за соблюдение этих соглашений. Однако затем его политика изменилась на 180 градусов.

В правительственном заявлении КНР, опубликованном 3 июля 1966 г., говорилось: «Американский империализм уже давно полностью разорвал Женевские соглашения и нарушил демаркационную линию между Югом и Севером Вьетнама... Если Соединенные Штаты нару-

шили эту линию, то вьетнамский народ уже ничем не связан, ничем не связаны и все страны и народы, действительно поддерживающие вьетнамский народ в войне против американской агрессии».

Это заявление могло иметь только один практический смысл: вместо того чтобы всемерно расширять борьбу против Соединенных Штатов, растоптавших Женевские соглашения, Пекин выступил против международно-правовой основы урегулирования военного конфликта. Пекин выступил не только против позиции социалистических стран, но и против правительства ДРВ, против Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, рассматривающих Женевские соглашения как основу борьбы против агрессии США.

Сложилась более чем странная ситуация: цели Пекина и цели наиболее агрессивных кругов Вашингтона оказались тождественными.

Что кроется за всем этим?

Как бы отвечая на этот вопрос, французский журналист Андре Ульман писал в статье «Китайско-американская стратегия», опубликованной в газете «Трибюн де насьон»: «Одна из целей Пекина — отрезать оставшуюся часть Азии, в частности Юго-Восточную Азию и Вьетнам, от СССР и европейских стран, наиболее благоприятно относящихся к Ханюю. Тем самым Пекин не только легче навязал бы — на что по крайней мере надеются китайцы — свое решающее влияние Ханюю, но и в этом случае Америке пришлось бы вести переговоры непосредственно с ним по поводу всех азиатских проблем».

Этот великодержавный расчет Пекина давно уже является секретом Полишинеля для американских политиков и обозревателей. Напоминая о решительном отказе группы Мао наладить совместные действия с другими социалистическими странами, газета «Нью-Йорк таймс» еще 29 апреля 1965 г. (т. е. вскоре после начала эскалации) писала: «Это наводит на мысль, что у коммунистического Китая есть более важные заботы, чем заботы о своих товарищах в Ханюе — столице Северного Вьетнама и о Вьетконге в Южном Вьетнаме».

...Не имея военных средств для ликвидации присутствия Соединенных Штатов в таких районах, как Тайвань., Пекин считает, что Вьетнам открывает для него возможность „психологическими средствами” вынудить

Вашингтон пойти на установление в Азии китайской „сферы влияния”».

В соображениях, изложенных в только что цитированных западных органах печати, лежит, пожалуй, ключ к пониманию позиции Пекина в отношении вьетнамской войны, его заигрываний с правящими кругами США. Не об успехе национально-освободительного движения вьетнамского народа печется группа Мао, а о своих великодержавных интересах в Азии.

В Вашингтоне отлично понимают выгоды подобной ситуации для американского империализма и прилагают все силы, дабы ее максимально использовать. Самыми различными способами пекинским раскольникам дают понять, что если они и дальше будут идти по пути предательства интересов социалистических стран, и прежде всего вьетнамского народа, то могут многое получить взамен. Показательно, что параллельно с усилением войны во Вьетнаме из столицы США раздаются призывы, все более ласкающие слух пекинских шовинистов.

В не раз уже упоминавшемся выступлении сенатора Макговерна в конгрессе США 3 мая 1966 г. содержится, например, намек на возможность «полюбовного решения» тайваньской проблемы. «Поскольку в связи с тайваньской политикой США,— демагогически рассуждал Макговерн,— в международном сообществе возникало множество вопросов, для нас было бы разумным передать этот вопрос Организации Объединенных Наций. Мы должны продемонстрировать, что готовы подчиниться решениям Генеральной Ассамблеи». Обрушившись с резкой критикой на режим Чан Кай-ши, американский сенатор многозначительно добавил: «Ход истории предсказать нелегко, но один факт не подлежит сомнению: вчерашние враги могут завтра стать союзниками».

Несколько ранее другой сенатор — Стивен Янг также метал громы и молнии по адресу Чан Кай-ши, называя его «беззубым тигром», а сенатор Джавитс восклицал: «Соединенные Штаты должны пересмотреть свои обязательства, данные Тайваню».

На фоне сказанного выше все эти авансы могут означать только одно: попытку вашингтонских стратегов воспользоваться в своих целях тем фактом, что Мао и его окружение идут по пути раскола и предательства интересов мирового коммунистического движения. Самое

чудовищное состоит, пожалуй, в том что эти авансы приносят правящим кругам США вполне реальные дивиденды во вьетнамской авантюре. А пекинские лидеры продолжают свою раскольническую линию.

Ведущие органы монополистической пропаганды не стесняются рассыпать комплименты по адресу Мао Цзэ-дуна. Как свидетельствует газета «Вашингтон пост», «официальные лица в Вашингтоне считают, что Мао служит американским интересам, поскольку его усилия вовлекают Китай в конфликт с Россией в большей степени, чем с Соединенными Штатами». По словам газеты, «американские официальные лица думают даже о том, чтобы культивировать маоизм как средство давления на Москву». Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» сообщает, что «американские официальные лица склонны предпочесть победу Мао Цзэ-дуна в его борьбе по уничтожению более умеренных элементов, исходя из того, что это означало бы продолжение неприятностей для Советской России».

В начале февраля 1967 года в Чикаго проходила «международная конференция» по вопросам политики в отношении Китая, на которой присутствовало более 70 «специалистов» из США, капиталистических стран Европы и «антикоммунистической» Азии. Основной вывод конференции, как передавал 10 февраля корреспондент «Нью-Йорк таймс» Хендрик Смит, сводился к тому, что в интересах Запада, и прежде всего США, была бы победа в Китае Мао и его сторонников, учитывая их стремление разорвать отношения с Советским Союзом и их нежелание идти на единство действий с СССР в оказании помощи Вьетнаму.

Как заявил на конференции профессор «свободного» университета в Западном Берлине Рихард Ловенталь, «победа Мао исключила бы даже частичное примирение с Советским Союзом. Если бы Мао победил, Китай не разрешил бы своих экономических проблем». Профессор Колумбийского университета Д. Загориа высказал мнение, что победа Мао над оппозицией отвечала бы интересам США, поскольку «фракция Мао считает Советский Союз своим главным врагом и не желает идти на компромисс с ним даже во Вьетнаме». Загориа считает, что пекинские руководители «не хотят противоборства с Соединенными Штатами по вопросу о Вьетнаме».

На основе анализа заявлений китайских руководителей профессор Массачусетского технологического института, «специалист по коммунистическим делам» Ури Раанен также пришел к выводу, что успех фракции Мао с точки зрения Запада предпочтительнее и что было бы ошибочным считать сторонников Мао «воинственными» по отношению к империалистическим государствам.

Итог еще не подведен

Такова правда о неприглядных делах маоцзедуновской группы, которая, подменив борьбу против империализма борьбой против Советского Союза, других социалистических стран, всего мирового коммунистического движения, докатилась фактически до пособничества американским агрессорам во Вьетнаме, объективно превратилась в союзника империалистической политики и идеологии. Теперь эта группа, сжигая мосты, связывавшие Китай с социалистическим лагерем, с мировым коммунистическим движением, активно наводит переправы в лагерь империализма. И если сейчас эти переправы наводятся втайне от международной общественности и собственного народа, то это объясняется только боязнью пекинских руководителей окончательно разоблачить свои подлинные цели и потерпеть в собственной стране такое же банкротство, какое они потерпели в мировом коммунистическом движении и на внешнеполитической арене вообще.

Как долго может длиться эта игра в секретность? Ответ на этот вопрос дает так называемая «культурная революция», которая, помимо всего прочего, преследует цель подготовить в КНР почву для новых авантюристических действий как в области внутренней, так и в области внешней политики, и в частности для более открытого поворота в сторону империализма. Кому не ясно, что ожесточенная кампания репрессий и массовых расправ, захлестнувшая Китай под флагом этой «революции», направлена против честных китайских коммунистов, против тех слоев рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, которые видят, куда ведет страну группа Мао, и пытаются ей противодействовать! Цель вдохновителей «культурной революции» — уничтожить всякую оппозицию в стране, с тем чтобы окончательно развязать себе

руки для новых сделок с империализмом. «То, что группа Мао Цзэ-дуна именует «культурной революцией», — отмечал Л. И. Брежнев, — правильнее было бы называть контрреволюцией».

С этим непосредственно связаны систематически раздуваемая в КНР кампания антисоветской истерии и попытки отгородить китайский народ непроницаемой стеной от марксизма-ленинизма, от опыта мирового социализма. «Этот опыт, — говорилось в редакционной статье газеты «Правда» «Об антисоветской политике Мао Цзэ-дуна и его группы», опубликованной 16 февраля 1967 г., — в сегодняшних условиях не только чужд китайским руководителям, он для них опасен, ибо знакомство с ним могло бы только показать Коммунистической партии и народу Китая, насколько далеко их руководители отошли от интересов революции и социализма».

В идеологическом плане антисоветизм пекинских руководителей играет ту же роль, которую в области политической призвана выполнить «культурная революция» а именно — подготовить народ Китая к открытому повороту в сторону империализма.

Но «революционное» фразерство группы Мао внутри страны и за ее пределами — не признак наступательности. Как раз наоборот: перед нами явное свидетельство неуверенности пекинских руководителей в своих силах, признак слабости их позиций, их страха перед собственным народом.

А для подобного страха имеются основания. Ведь «культурная революция» — это не только попытка уничтожить оппозицию. Она вместе с тем явный признак того, что оппозиция линии Мао существует, что она сильна. С августа 1966 года, когда XI пленум ЦК КПК открыто провозгласил курс на истребление инакомыслящих, против оппозиции применяются беспрецедентные методы подавления, а конца «культурной революции» не видно. О чем же ином это говорит, как не о том, что противники линии Мао не сломлены, что противодействие линии Мао охватило широкие слои народа — коммунистов, рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию! Оппозиционные настроения существуют даже в армии, даже в органах безопасности и среди молодежи.

Все это лишний раз подтверждает, что «культурная революция» является по сути дела авантюристической

попыткой группы Мао удержаться любой ценой у власти. В этой попытке она не брезгует никакими средствами — вплоть до стремления использовать империалистические силы на международной арене.

Дальнейшее движение Мао Цзэ-дуна и его окружения в сторону империализма как раз и составляет сердцевину нового, еще более опасного этапа, в который ныне вступила политика Пекина. Эта политика наносит большой ущерб делу героического вьетнамского народа, антиимпериалистической борьбе прогрессивных сил всего мира, единству и сплоченности мирового коммунистического движения, кровным интересам самого китайского народа.

Однако, несмотря на то что в настоящий момент китайский народ, китайские коммунисты переживают одну из самых трагических страниц своей истории, неправильным был бы взгляд, согласно которому группа людей, находящихся у власти в Пекине, в состоянии навсегда навязать свой произвол китайскому народу и Коммунистической партии Китая.

И не слишком ли рано ликуют империалисты? Окончательный итог еще не подведен.

Одна из важных особенностей нашего времени состоит в том, что в условиях существования мировой социалистической системы завоевания отдельных народов, вставших на путь строительства социализма, необратимы. Не зигзаги и не аномалии, не субъективные устремления отдельных лиц, какой бы властью они ни пользовались, определяют поступательный ход истории. Он определяется объективными законами развития, а в наши дни — это движение человечества к социализму.

Мировой коммунизм не раз сталкивался с различного рода трудностями, уклонами, ренегатством и предательством. Но вопреки этим трудностям и уклонам и в борьбе с ними он превратился в самую влиятельную политическую силу современности. Решительно осуждая раскольническую, великодержавную линию группировки Мао, коммунисты всего мира глубоко солидарны с великим китайским народом, с китайскими марксистами-ленинцами, продолжающими в тяжелых условиях бороться за последовательный интернационализм, за чистоту революционного учения.

Будущее принадлежит им, а не тем, кто пытается противостоять историческому прогрессу.

9 коп.